ПОДДЕРЖИВАЕМ! — ГОВОРЯТ НАРОДЫ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 116 (4241)

Четверг, 29 сентября 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Никита Сергеевич Хрущев в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН.

ТУМАН РАССЕИВАЕТСЯ

В СВЯЗИ со всеобщим возбуждением, вызванным нынешней сессией Генеральной Ассамблеи ООН, на которую собралось беспрецедентно большое число руководителей государств, полезно спокойно подумать о главной задаче, стоящей перед этим великим собранием: сумеет ли оно сделать ощутимый шаг вперед по пути к разоружению?

Эта спокойная рассудительность особенно необходима нам, людям Запада, — мы вынуждены следить за событиями в обстановке непрерывных искажений или умалчивания фактов со стороны прессы. В речи, произнесенной г-ном Хрущевым по прибытии в Нью-Йорк, было ясно сформулировано отношение Советского Союза к вопросу о всеобщем, контролируемом разоружении. Наша пресса и телевидение попросту игнорировали это выступление. Речи г-на Хрущева и президента Ганы г-на Нкрумы на Ассамблее также не получили подробного освещения в печати. И поскольку конкретные советские предложения по разоружению неизвестны большинству англичан, то газетам удалось отделаться от них заявлениями, будто эти предложения «не содержат ничего нового».

Зато печать поторопилась оповестить читателей о заявлениях государственного секретаря США г-на Гертера и английского министра иностранных дел лорда Хьюма, утверждающих, что речь Хрущева якобы доказывает стремление Советского Союза к мировому господству.

Обо всем этом необходимо сказать, ибо реакция английского общественного мнения на международные события всегда обусловлена подобного рода дымовыми завесами, которые ставит буржуазная пресса. Лишь медленно пробивается правда сквозь туман дезинформации!

Английский народ ныне встревожен угрозой ядерной войны, как никогда прежде. Он сознает настоятельную необходимость мер, обеспечивающих разоружение. И он верит, что в состоянии добиться мира. Поэтому англичане не ослабят давление на правительство, побуждая его выступить с конкретной инициативой в вопросе о разоружении и урегулировании наиболее существенных разногласий. Бесспорно: решение г-на Макмиллана отправиться на сессию Генеральной Ассамблеи — ответ на эти требования. Первоначально он был склонен внять советам различных «консультантов»; а те твердили, что, присутствуя на сессии, он «попадет в руки Хрущева», подчеркнет изоляцию де Голля и огорчит д-ра Аденауэра, этого любимца лорда Хьюма.

Я думаю, в конце концов британский народ узнает, что именно предлагает Советский Союз, и, конечно, воспримет это как конструктивный подход к проблеме разоружения, подход, основанный на постоянно отстаиваемом Западом принципе — «никакого разоружения без контроля», но дополненный и другим существенным принципом — «никакого контроля без разоружения». Следует подчеркнуть, что советский план во многом отражает то, что предлагалось Западом.

Великую надежду связывают народы с этой сессией Генеральной Ассамблеи ООН. Они верят, что нейтралистские страны и, в частности, государства, впервые участвующие в работе этого международного органа, будут всеми силами содействовать возобновлению переговоров о разоружении, разработке практической программы спасения человечества.

Г-н Хрущев заявил, что отнюдь не ждет от колониальных держав одобрения его плана немедленного освобождения народов колоний. Он прав. Представители этих держав очень рассердились. Но как им быть дальше, если теперь, когда они заседают в ООН с представителями освобожденных народов Азии и Африки, на подопечных территориях Южно-Африканского Союза продолжается политика террора и убийств, а португальцы управляют своими африканскими территориями при помощи бича и виселиц, а на британских территориях в Африке действуют позорные расовые законы, а за Алжиром все еще не признается право на свободу?..

Было время, когда вопрос об освобождении угнетенных народов представлялся далекой мечтой. Сегодня не то! На XV сессии Генеральной Ассамблеи председательствует гражданин Ирландии, чей лидер, де Валера, некогда был приговорен англичанами к смертной казни; премьер-министр Индии Неру и президент Ганы Нкрума просидели много лет в английских тюрьмах. Ныне властно встает исторический вопрос о полном освобождении угнетенных народов от колониализма!

Точно так же разоружение и мирное сосуществование станут практически возможными не потому, что вдохновители «холодной войны» и гонки ядерных вооружений отказались от старой политики, но потому, что соотношение сил меняется. Такова реальная ситуация на Ассамблее 1960 года. И на этой реальности человечество основывает свои надежды.

Гордон ШАФФЕР,
английский публицист

ЛОНДОН, 28 сентября. (По телеграфу).

ПРАВДА ПОЛНЫМ ГОЛОСОМ

На сессии Генеральной Ассамблеи

КТО ЖЕ ПРЕДАЛСЯ УНЫНИЮ?

СКОРО десять дней, как на трибуне под эмблемой Объединенных Наций — материки земного шара в обрамлении оливковых ветвей мира — сменяются ораторы и идет. Идет общая дискуссия. Кроме встреч в зале Генеральной Ассамблеи, виднейшие политические деятели имеют возможность неофициальных встреч, и эта возможность используется, как известно, довольно широко. Разумеется, рано подводить какие-то итоги. Кое-кто, однако, пытается это сделать, и, например, Ассошиэйтед Пресс передавало сообщения об «угнетающей атмосфере беспокойства и уныния» в конце первой недели сессии.

Газеты гадают о возможной позиции и тоне выступлений представителей стран, еще не сказавших своего слова. И за всем этим, за унынием и гаданием, — одно: когда же, наконец, «свободный мир» даст «настоящий бой» Н. С. Хрущеву? Президент Эйзенхауэр не оправдал надежд.

С трибуны Ассамблеи выступили представители делегаций социалистических стран. После этого, употребляя известное выражение Эдлая Стивенсона, можно сказать, что целеустремленное единство социалистических стран было еще раз противопоставлено «бесцельной разобщенности Запада», не имеющего никакой действительно позитивной программы по важнейшим проблемам современности.

...Помните, что писали западные газеты после обнародования советских предложений о том, чтобы делегации на Ассамблею возглавлялись главами государств и правительств?

— Никто не поедет, и сам Хрущев откажется от своей затеи.

— Пожалуй, Хрущев все-таки поедет.

— Хрущев определенно собирается поехать, и главы государств советского блока — тоже. Получены сообщения, что готовятся к поездке в Нью-Йорк главы ряда нейтральных государств.

— Хрущев едет — разумно ли деятелям Запада отсиживаться дома?..

Так сменялись вехи. Уже на открытии Генеральной Ассамблеи отмечалось небывалое присутствие выдающихся политических деятелей. С тех пор не проходит дня, чтобы толпа фотокорреспондентов не бросалась к входу в здание для встречи новых и новых гостей. За столом делегации Индии белеет известная по множеству снимков конгрессистская шапочка Неру. Выступление президента Насера вызвало особенный интерес в связи с его словами о необходимости как можно более широкого участия всех стран в работе ООН; в частности, надо открыть двери ООН для народного Китая.

В день открытия Ассамблеи министр иностранных дел Великобритании Хьюм заявил, что английский премьер-министр еще не решил, поедет ли он в Нью-Йорк. Сегодня Макмиллана можно видеть за столом английской делегации. Закинув ногу на ногу и глубоко погрузившись в кресло, он одновременно слушает ораторов и листает кипу бумаг. Журналисты говорят, что теперь на него — вся надежда...

НА ТРИБУНЕ ФИДЕЛЬ КАСТРО

Георгий КУБЛИЦКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

— У нас имеется возможность высказать правду, находясь здесь, и мы не откажемся от этого, — сказал Фидель Кастро в начале своей речи.

Он ушел с трибуны четыре с половиной часа спустя, оставив зал взбудораженным, взволнованным, восхищенным, озлобленным — каким угодно, только не усталым и не равнодушным.

У него не было написанного текста речи. Он открывал папку лишь для того, чтобы быть точным в передаче заявлений американских деятелей, грозящих Кубе атомной бомбой. По сравнению с давно примелькавшимися на трибуне зала заседаний признанными златоустами, его нельзя было бы назвать «блестящим оратором»: страстная увлеченность, ломающая плавный ход речи, никаких эффектных пауз, слишком резкие, какие-то мятущиеся жесты. Сила Фиделя Кастро не в красноречии, а в правде. Сила — в его нравственной чистоте, в преданности своему народу, если хотите — в подлинно революционной романтике, окрыляющей людей.

Казалось, что Фидель Кастро говорил почти исключительно о своей Кубе. Но, по существу, это была речь о трагической судьбе и мужественной борьбе многих народов, порабощенных колонизаторами.

— На карте мы были окрашены в другой цвет, в отличие от Соединенных Штатов. В действительности Куба являлась колонией, и как могло случиться, что наша страна превратилась в колонию Соединенных Штатов?

Кастро говорил о своем ограбленном народе. Он приводил на память — да такие цифры и не могли не врезаться в память — данные об ужасающей детской смертности, о нищенском доходе кубинских крестьян и рабочих, называл невероятно высокие прибыли американских концернов и трестов, властвовавших в экономике Кубы. Он показал залу старый потрепанный военный пакт и привел выдержки из этого договора, по которому кубинский диктатор Фульхенсио Батиста получал от Соединенных Штатов помощь оружием для подавления тех, кто поднимался против его кровавого режима.

Часть речи Фиделя Кастро можно было бы назвать отчетом кубинской революции перед общественностью мира. На суд народов и правительств Объединенных Наций он вынес только факты. На одной чаше весов была аграрная реформа, вернувшая кубинцам захваченную монополиями и латифундистами землю, 10 тысяч школ, открытых за два неполных года революции, превращение военных крепостей в общежития для учащихся, 25 тысяч новых жилищ для трудового люда, восстановление попранной независимости, планы дальнейшего переустройства жизни, разработанные при участии народа и для народа.

На другой чаше весов — злобствующий в эмиграции Батиста, успевшие скрыться палачи народа и кучка обиженных помещиков, «комитеты освобождения», падение прибылей американских сахарных монополий и полные угроз ноты госдепартамента.

— Никто... не спрашивал нас, сколько человек умерло от голода, сколько у нас туберкулезных больных, сколько человек не имеет работы. Все вопросы, которые задавало правительство США, были связаны с телефонной компанией, с электрокомпанией и с землями, принадлежащими североамериканцам... Чего потребовал от нас государственный департамент США? Он потребовал трех вещей: быстрой выплаты, действенной выплаты, справедливой выплаты... Это означает немедленную выплату в долларах и в том размере, который они потребуют за свое имущество.

А к нотам госдепартамента, к злобному вою эмигрантов—вдобавок ко всему этому на чашу весов легли бомбы, сброшенные «неизвестными самолетами», поджоги плантаций сахарного тростника и сахарных заводов, взрыв в порту Гаваны, унесший десятки жизней.

В зале заседаний Генеральной Ассамблеи аплодируют редко и сдержанно. Те аплодисменты, которые много раз прерывали речь Фиделя Кастро, показывали убедительнее всего, какая чаша перевешивает. Казалось, что шум этих аплодисментов сливается с возгласами миллионного митинга на площади в Гаване: «Куба — да, янки — нет». Аплодировали делегации стран социалистического лагеря, делегаты многих стран Азии, аплодировали делегаты стран Африки и Латинской Америки, народы которых прошли или проходят через те же страдания, которые выпали на долю народа «пылающего острова».

Никита Сергеевич Хрущев, как и многие делегаты, стоя приветствовал народного героя Кубы. Горячо аплодируя, Никита Сергеевич с выразительным жестом повернулся туда, где с угрюмым или деланно безразличным видом сидели представители колониальных держав: что же, мол, вы не аплодируете, господа?

Касаясь положения в Конго, Кастро дал, может быть, самую убийственную характеристику «третьему человеку», появившемуся в водовороте конголезской политической жизни после частых посещений американского посольства:

— В 1934 году в нашей стране всплыл Фульхенсио Батиста. В Конго его называют Мобуту.

С прямотой и горячей убежденностью Фидель Кастро поддержал план всеобщего и полного разоружения, предложенный советской делегацией.

— Мы считаем, что это предложение правильное, ясное и четко сформулированное... Советский план таков, что к нему нечего добавлять. Никто еще не высказывался с подобной ясностью!—воскликнул он.

Кастро начал речь с Кубы и кончил Кубой, выразив уверенность, что проблема Кубы — это одна из мировых проблем.

Подсчитали: он был на трибуне 4 часа 26 минут. Он поднялся на нее полным сил борцом и таким же остался в гуще окружившей его толпы, когда ушел с трибуны. Его солдатская куртка с открытым воротом мелькала среди ярких одеяний африканцев и темных пиджаков. Он быстро, энергично, порывисто отвечал на бесчисленные рукопожатия.

Генеральная Ассамблея услышала голос кубинской революции — сильный, мужественный голос правды.

И, конечно, вскоре оправдалась поговорка: правда глаза колет. На трибуне появился лысеющий, пухлощекий господин. Шурша исписанными страницами, он выпустил автоматную очередь прилагательных: жестокий, зловещий, драматический; священный, благородный, демократический. Первые относились к Кубе, вторые — к положению в стране, которую имел честь представлять господин. Распалившись, господин кричал о том, что Куба попала в советскую орбиту. Он уверял, будто располагает неопровержимыми данными, что в провинции Камагуэй на Кубе уже подготовлена ровно тысяча коммунистов, которые готовятся напасть на его мирную демократическую страну (пьющую к тому же не боржом, а чистую воду из светлого источника американской демократии!).

Да что же это за демократический рай, откуда выпорхнул на трибуну адвокат колониализма? — спросите вы. Имя господина — Хесус Мурильо. Он занимает пост министра иностранных дел в несчастной Гватемале. А говорят еще, что есть предел цинизму!

***

На состоявшемся вчера вечером заседании Генерального комитета США вместе со своими союзниками протащили решение, согласно которому не только отклоняется предложение о включении в повестку дня сессии вопроса о представительстве Китая в ООН, но и исключается какое-либо обсуждение этого вопроса на самой сессии. Решение, которое ничего не решает! Народный Китай не может не быть принятым в ООН, как бы этому ни сопротивлялись враги Азии и Африки, — таково мнение всех беспристрастных наблюдателей, таково требование народов.

НЬЮ-ЙОРК, 28 сентября. (По телеграфу).

Н. С. Хрущев, Г. Георгиу-Деж, Т. Живков, Н. В. Подгорный, А. Новотный около здания советского представительства в Нью-Йорке.

23 сентября в советском представительстве при ООН состоялась дружественная встреча между советской и кубинской делегациями.
На снимке: Н. С. Хрущев и Фидель Кастро.
Снимки В. Егорова

Хроника литературной жизни

МОСКВА. По приглашению Союза писателей СССР в столицу прибыли писатели Германской Демократической Республики Герхард Штюбе и Марта Наврат. Гости пробудут в СССР три недели. Они посетят ряд городов страны, встретятся с советскими литераторами, ознакомятся с жизнью советского народа.

***

Три недели пробыла в Советском Союзе делегация иракских писателей. Гости побывали в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Сухуми, посетили музей-усадьбу Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

21 сентября делегация иракских писателей вылетела на родину.

КУЙБЫШЕВ. Заканчивает работу семинар драматургов Поволжья. На семинар, открывшийся 15 сентября вступительным словом Леонида Соболева, отобраны пьесы 19 авторов из различных автономных республик и областей Поволжья. В обсуждении творчества драматургов принимают участие писатели, режиссеры и критики В. Любимова, Н. Сотников, Н. Громов, Н. Шестаков, Л. Широков, И. Куприянов, В. Бортко и другие.

На семинаре широко представлены произведения, написанные для детей и молодежи.

КАЗАНЬ. В ближайшее время здесь выйдут в свет монография Г. Кашшафа о Мусе Джалиле, мемуарная книга бывшего комиссара партизанского отряда Г. Амирова «Сквозь огонь», рассказы Н. Заслоновского «В годину гроз», посвященные боевым подвигам волжских моряков в годы гражданской войны. Союз писателей Татарии и редакция журнала «Совет эдэбияты» («Советская литература») готовят к печати мемуары советских военачальников-татар.

ДОБРЫЕ КОЛОСЬЯ

ПОМНЮ, как в одном колхозе убирали сортовую пшеницу. На других полях хлеба были жиденькие, а тут бункер наполнялся через каждые сто метров и комбайн сердито свистел, требуя к себе машину.

— Есть же головастые люди, которые такие хлеба выводят, — сказал комбайнер во время одной из остановок. — Изобретатели хлеба насущного...

Вот у одного такого изобретателя я и побывал недавно в Одессе.

Академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Федор Григорьевич Кириченко руководит отделом селекции пшениц во Всесоюзном селекционно-генетическом институте имени Т. Д. Лысенко.

На поле я увидел пожилого человека в простом рабочем костюме и соломенной шляпе. Пара лошадей тащила по полю шестирядную сеялку, Федор Григорьевич шел следом. В некоторых местах он нагибался, разгребал землю руками, надевал бинокулярные очки и что-то рассматривал.

Кириченко — создатель пшениц «одесская-3», «одесская-12» и «одесская-16». Они занимают в стране около восьми миллионов гектаров. Сейчас в производство пошел новый кириченковский сорт — «мичуринка». Это вообще новое слово в селекции пшениц, так как никому и никогда не удавалось вывести озимую твердую пшеницу. А ведь в этом зерне содержится на два-четыре процента белка больше, чем в самом лучшем мягком. Колхозы, бравшие пшеницу на сортоиспытания, получали по 35 с лишним центнеров зерна с гектара. Пятнадцать лет работал Федор Григорьевич, чтобы вывести этот новый сорт!

Три номерных «одесских», теперь вот «мичуринка». Человек создал четыре сорта...

Но тут, на поле, я увидел невероятное. После каждого звезда сеялка самым тщательным образом продувалась, чтобы, боже упаси, где-нибудь зернышко не застряло, и в нее заново засыпались семена из другой торбочки. Новый заезд — новая торбочка.

— Это что же, все разные сорта?

— Ну конечно! На этом участке мы высеваем около двухсот гибридов. А вообще у нас в работе, знаете, сколько? — Кириченко достал из кармана пиджака толстую тетрадь. — Вот, смотрите. Против каждой записи — номер, а каждый номер обозначает эксперимент. У нас их здесь обозначено 4 883, из них гибридов 2 029. Но тут еще не все...

Почти пять тысяч экспериментов! Как в них разобраться?

— А вот пойдем с вами в разборочную, там увидите, как мы расправляемся с нежелательными экземплярами.

Разборочная селекционера... Это помещение, куда свезены сотни и тысячи маленьких снопиков пшеницы. Каждый снопик — с паспортом. Снопики обмолачивают в крохотной молотилке, зерно ссыпается в блюдечко. Отсюда блюдечко вместе с паспортом попадает на длинный стол. Тут и решается судьба эксперимента.

Федор Григорьевич идет по рядам, всматривается в зерна, которые неискушенному взгляду показались бы одинаковыми во всех блюдечках, просматривает паспорта. Редкое блюдечко оставляет академик открытым — это значит, что с гибридом будет вестись дальнейшая работа. Остальные закрываются паспортами — и это означает конец.

...На складе упаковываются посылки в самые различные адреса. Тут чуть ли не вся география нашей страны, а кроме того — Албания, Афганистан, Болгария, Венгрия, Польша, Чехословакия, Румыния...

Кириченковская пшеница путешествует по маршрутам, которым может позавидовать любой турист.

Вот пишут из совхоза «Пограничник» Алма-Атинской области: нельзя ли прислать хотя бы 8—10 килограммов «мичуринки».

Письмо из «Экспортхлеба»: консультант английских мукомолов профессор Кент Джонс просит выслать ему образцы сорта «одесская-16». Надо получить оценку экспортеров, поскольку на базе этого сорта будут формироваться товарные партии экспортной пшеницы Украины.

И тут же я прочел копию одного чрезвычайно любопытного письма. Федор Григорьевич писал Никите Сергеевичу Хрущеву:

«Меня в свое время вырастил Ленинский комсомол, в рядах которого я находился с 1923 по 1930 годы, воспитала во мне любовь к труду и настойчивость в достижении поставленной цели славная ленинская Коммунистическая партия, в ряды которой я вступил в 1929 году. Вот почему факт присуждения мне премии, учрежденной в честь великого Ленина, вызывает во мне чувство большой гордости, счастья и глубочайшей благодарности ленинской партии». И дальше: «Что касается денежной премии, то я прошу передать ее в фонд семилетки или, если это возможно, перечислить в мое родное село Владиславку Старченковского района Киевской области для строительства медицинского пункта или на приобретение оборудования для кабинетов средней школы».

Тут же, в папке, лежит банковская квитанция: деньги перечислены в сельсовет Владиславки. А там на них построили медпункт.

Я поехал во Владиславку.

Местный колхоз, как и тысячи других артелей, из года в год набирает силу, богатеет, все время что то строит. И каждый знает тут, кто такой Кириченко: «Как же! Это же наш народный академик!» Много во Владиславке новых строений. И одно из них—фельдшерско-акушерский пункт, построенный на премию Федора Кириченко, бывшего батрака, пасшего тут когда-то (а если подумать, не очень уж и давно) чужую скотину.

«Шановний наш земляк Федор Григорьевич!..» — начинается каждое письмо, которое Кириченко получает из Владиславки, а заканчивается всегда настоятельным приглашением навестить родные места.

Он и навещает. Правда, редко. Некогда ему, этому человеку. Надо работать, дьявольски много работать! Надо выволить новые сорта, молоть в своей лаборатории зерно на муку, выпекать из нее крохотные хлебцы, приготавливать крупы и макароны, чтобы определить, лучше ли они по качеству, чем из известных сортов. Надо ездить по колхозам и совхозам, смотреть посевы. Бывает, целыми неделями Кириченко проводит за рулем своей потрепанной «Победы». Надо принимать зарубежные делегации и самому ездить за границу. Кругом «надо!». Вот сейчас он готовится «пустить» на поля страны целых три новых сорта пшеницы: «одесскую безостую» и два без названия, под номерами. Пшеницы эти дают урожай с гектара на 6—8 центнеров выше, чем, скажем, прославленная «одесская-3».

...Живет на самой окраине Одессы добрый сеятель. Квартира его тут же, в институтском поселке, рядом с полями, на которых он экспериментирует. В шесть, в то и в пять утра ученый покидает свой дом.

— Федор Григорьевич, зачем так рано?

— Кто рано встает, тот многое успевает.

— А что бы вам хотелось еще успеть?

— Создать такую пшеницу... Чтоб колос был, как вареник... И чтоб совсем не полегала под ветрами и дождями.

Успеха вам, Федор Григорьевич!

В. КАМАНИН

Близится 43-я годовщина Октябрьской революции. Прочно вошло уже в традицию советских людей встречать праздник подарками Родине — новыми трудовыми победами.

В Москве, как и во всей стране, коллективы предприятий, строек, научно-исследовательских институтов встают на трудовую вахту в честь Октябрьской годовщины. Готовятся к празднику и ударники коммунистического труда сверловщицы Автомобильного завода имени Лихачева Клавдия Полачева и Валентина Пахомова.

Фото А. Князева

НОВЫЕ СТИХИ

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

ЖЕНЩИНА

Когда в цветеньи яблоневом завязь
Нам предвещает торжество плода,
Взойди, добро,
Умри, слепая зависть,
Воскресни, материнства красота!

И сгиньте все напасти и наветы,
Когда, как полдень, знойная, она
Проходит по окраинам планеты,
Той ношей счастья обременена...

И я гляжу и не припоминаю —
Во сне ли первом
Или наяву,
Где видел я ее,
Какому маю
Обязан я, что на земле живу?
Иду сквозь ливни,
травы
и разлуки,
За пазухой слова ее храня.
Где видел я,
Где слышал эти руки,
Взбаюкавшие солнце для меня?..

А может, в жизни все круговращенье,
А в центре ты,
Любовь моя и мать.
И нам еще предрешено рожденье
И никогда забвения не знать, —
А видеть,
Как со счастьем на свиданье
Она идет сквозь солнце и живье.
И тайное великое страданье
Вот-вот коснется теплых губ ее.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

ГОРЖУСЬ

Горжусь,
что с точки зренья мещанства
себе во вред
я поступаю часто,
что не ловлю удачи на лету,
бываю добр и зол
не по расчету,
стараюсь душу
вкладывать в работу,
и — к черту посылаю клевету.
Горжусь,
что в сорок первом
был солдатом,
что стал я инвалидом
в сорок пятом,
что все мои
военные «трофеи» —
два черствых костыля
да портупея.
И этого никто не отберет,
хоть про меня
с три короба наврет.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

По Волге-реке

КАК-ТО заметили мы на пустынном берегу человека, он лежал среди высокой травы, положив под голову рюкзак, и нас восхитила поза, в какой он улегся, — царственная! Кто знает, подумали мы, может быть, и Горький, бродивший в этих местах, он или кто-либо из его героев, вот так же божественно-свободно, по-горьковски располагались?!

Путник провожал нас взглядом, и, казалось, этот взгляд говорил: «Нет, не завидую я ни вашему трехпалубному судну, ни вашему трехдизельному механизму, ни вашему трехразовому питанию (тут он, пожалуй, был прав), то ли дело мешок за спину, дубину в руки, и айда шататься куда глаза глядят». Да-а, здорово! Почему бы, в самом деле, не освоить эту древнюю форму отдыха, известную еще на заре человечества? Иные культурники знай дудят в одну дуду: чтоб скопом, чтоб с баяном! Что и говорить: бродить веселой гурьбой, — милое дело! Но почему не развивать «индивидуальные» формы отдыха? Есть люди, которые очень любят компанию, но бывают порой наедине с собой, чтоб вовсе не разлюбить компании! Я долго смотрел на неведомого путника, и что-то зашевелилось в моей душе, что-то неизжитое, индивидуалистическое. Не пугайтесь, товарищи, я шучу. Но вот в Ильинке, например, когда многие товарищи предавались массовым мероприятиям, мы с Андреем Васильевичем (рыболовом) расположились в прохладе (бывает разного рода прохлада, но самая что ни на есть чистая, девственная, ароматнейшая, одно слово «прохлада» — речная), вот в такой прохладе расположились мы вдвоем и чудно, надо сказать, побеседовали!

В другой раз в Чардыме — волшебный уголок! — пошел я бродить один по лесам, по лугам, босиком, часов на шесть — благодать! Вот тут я понимаю: природа. Ежели лес, — так лес, а луг, — так уж луг! По-настоящему чувствовать природу можно, по-моему, только наедине с нею, она ревнива и предпочитает личные контакты. Конечно, оценить природу можно и группой, вероятно, даже лучше, если оценивать. Но то, что называется «общение с природой», — это ускользает при групповом, так сказать, методе. Нечто существенное утрачивается, даже если вы вдвоем с другом, даже с самым милым вам другом. Не то уже. Не то.

Бывало, ходишь на лыжах в компании — славно, дружно, весело, азарт, аппетит, врачи обязательно должны прописывать групповые вылазки, но поэт скажет: «Ходи один!»

Целебная сила природы в этом случае — духовная! Участвовал я как-то в групповой вылазке, наутро после того, как накануне целый день пробродил один. И смотрю, что такое? Природа, с которой я вчера еще находил общий язык, сегодня молчит, не отзывается!

Так что попробуйте, друзья, погулять в одиночку, и с компанией, конечно, но и в одиночку, для разнообразия! Среди молодежи, например, выходят только группами, только соревнования на значок ГТО! И бегут, ничего кругом себя не видя, — один лишь значок ГТО впереди... А вы поглядите кругом себя! Воспитатели студентов ищут и не находят наглядных пособий по эстетическому воспитанию. Да вот оно, пособие по эстетическому воспитанию, — под носом! Поэтому давайте прогуляйтесь по предложенному способу, прежде чем не соглашаться со мною, впрочем, может быть, вы и сейчас согласны?

И вот сейчас, в Чардыме, чем дальше уходил я в темный бор, тем ближе к нему становился, а возникшая симпатия казалась взаимной. Лес все густел и темнел и вдруг раздвинулся, как театральный занавес, открыв ослепительный от солнца луг. Тысячи стрекоз, то чуть снижаясь, то чуть подымаясь, парили над его поверхностью или качались на стеблях растений — огромный стрекозиный аэродром гудел от края и до края; одни, блеснув на солнце своими парными крыльями, взлетали, другие, напротив, шли на посадку. А вокруг открывались дали без счета, как в отраженных зеркалах, я сам не заметил, как закричал от восторга!

«Хорошо, что я не в доме отдыха», — подумал я. Говоря о природе, как не сказать о доме отдыха, хотя часто эти понятия несовместимы. Чем хороши новолжские дома отдыха? Был я и в Новоокатове, и в Ильинке, и в Морквашах. В смысле благоустройства — пробелов тьма, простым глазом видно, но есть и очко в их пользу — природные условия максимально приближены к природным условиям! Существуют ведь у нас дома и санатории, которые до того заблагоустроили и закультурили, что, прошу прощения, плюнуть некуда! Травинка не пробьется сквозь сплошной асфальт, а если в сплоченную толпу колонн и затесалась живая сосна, она, бедняжка, не знает, как ей ноги унести. Попал я однажды в такой дом, с тоской спросил старшую сестру: «А лес у вас есть?» Она в ужасе вытаращила глаза: «Лес?!» — словно хотела сказать: «Вы что, волк, что ли, что вам лес нужен, вы же приехали культурно отдыхать!» А вот в Новоокатове, скажем, лес, не стесняясь, лезет прямо через забор, и никто ему не кричит: «Осади назад!».

Вернулся я на судно вон с таким ворохом грибов; добрейшая Анна Алексеевна из ресторана поджарила их (ах, Анна Алексеевна, до сих пор помню, золотые у вас руки), а затем, как ни следил я за собой, — а я строго следил! — никакого урона общественному за счет личного в себе я, как ни старался, не обнаружил, нет!..

Довольный, что я так легко отделался от грозившей мне опасности, я спустился в салон и — бывают же совпадения! — наткнулся на разговор как раз на эту тему общественного и личного.

СЦЕПИЛИСЬ директор (текстильного предприятия) и ядовитый электрик из Харькова.

«Вы, вот, — заявил директор, — прошлись давеча насчет личности, будто бы ее упускают...»

«Бывает», — ответил электрик. — «С чего это вы взяли? На что глядя, такое резюме, молодой человек?» — «На вас глядя, молодой человек!» Сидевший рядом художник воскликнул: «О, вы, кажется, переходите на личности!» — «Нет, он не личность, он общество имеет в виду, — заметил директор и повернулся к электрику, — что же, по-вашему, система виновата?» — «Не система, а вы! Вы палка — в колесах системы!» — «Я — палка?» — «Вы!»

Директор от души расхохотался. «Да если хотите знать, — продолжал он хохотать, — так я и есть та самая полнокровная личность, за которую вы так ратуете, побывали бы вы у меня на предприятии, поглядели бы, как я там разворачиваюсь...» Тут вставил слово и я: «Я не бывал на предприятии у директора, но по рассказам его словно бы побывал и вполне представляю себе, как он там разворачивается, так что вы, электрик, по-моему, того...» — «...Это вы того, корреспондент, — озлился электрик, — вы же гуманитарист! А я производственник — разница! — я тем же путем побывал на предприятии у директора, что и вы, но увидел то, чего вы не увидели! Ну-да! Конечно, он там разворачивается — еще бы! — да только так, что другим повернуться некуда! Ведь он на одного себя рассчитывает, другие для него лишь исполнители, а не созидатели, он один, видишь ли, созидатель! Я не философ какой-нибудь и беру только свою сферу и вот говорю, что предприятие, где наш директор разворачивается, концы с концами не сводит!»

«Голословно!» — вступился я. «Погоди, — остановил меня директор и повернулся к электрику, — допустим не сводит, а почему?» — «Поэтому, — воскликнул электрик. — Глубоко убежден, что по этой причине!» Директор вскипел: «Да пойми же ты, наконец, чудак ты человек, оборудование у меня устаревшее, видел бы ты его...» — «Да вижу я его, вот оно передо мною, — электрик кивнул головой в сторону директора, — из всего устаревшего самое устаревшее!» Директор побледнел: — «Выходит, — сказал он медленно, — я по-твоему устарел? С какой это поры, смею спросить?» — «Примерно с двадцатого съезда...» Тут поднялся художник: «Позвольте в таком случае и мне, тема уж больно интересная, позвольте мне порассуждать, не возражаете? Анализировал я как-то для себя одно высказывание Никиты Сергеевича; конечно, я доморощенно анализировал, какой из меня теоретик, а все же послушайте! В докладе приводились цифры, но за ними целая постановка вопроса, я даже скажу, философия. Итак, имея в виду 1959 год, Хрущев говорил, что «выпуск промышленной продукции увеличился за год более чем на 11 процентов вместо 7,7 процента, намеченных по плану». Почему, спрашиваю я себя, наметили 7,7, а не больше? А вот почему: «При составлении семилетнего плана мы исходили из того, чтобы не создавать перенапряжения при его выполнении». Обратите внимание, какая скрупулезная обдуманность — семь и семь десятых, не восемь, скажем, а семь и семь десятых! Даже три десятых в последнюю, так сказать, минуту скостили! А получили — одиннадцать! Я и спрашиваю себя: а если бы наметили 8 или 9, или даже 9,9, выполнили бы эти цифры? Безусловно! А вот выполнили бы 11, если бы наметили 9,9? Сомневаюсь, и даже скажу вам, нет! Почему? Потому, что зажата была бы самодеятельность, а она-то и дала эти цифры! Следовательно, эти цифры появились за счет «частной инициативы» (я ввел бы снова этот термин, он приобретает совсем новый, социалистический смысл!), за счет инициативы отдельных предприятий и лиц. План предусматривает встречную инициативу. И Никита Сергеевич там же указывает, что при составлении плана исходили из того, чтоб «не сковывать инициативу». Не сковывать! Большая мысль заключена в этих цифрах и важная перспектива. Надо ее развивать, надо! Есть еще богатства, знаете, в частных руках, а их не экспроприируют, несмотря на желание владельцев.

НАСТУПИЛО молчание, прервал его молодой человек, на котором я обязательно хочу задержаться! Лет ему двадцать с чем-то, не то он студент, не то просто так околачивается, под отцовским дубом желуди подбирает. Больше двух недель вижу его, и за это время слышал из его уст только одно осмысленное слово, которое он, правда, чаще других произносил: «люкс!» Джемпер увидит, какой никто еще не носит, — «люкс!», грампластинку, которую не достать, — «люкс!», девушку, «что надо», на его вкус, — «люкс!» Рубашки, которые он часто меняет, принято считать как бы официально утвержденной формой одежды стиляг, но я не спешу упрекать ее владельцев — пускай носят, если нравится, тем более ведь встречаются действительно красивые рубашки! Рубашка, в которой он чаще всего щеголяет, изображает целый зоопарк, — кого тут только нет, — и леопард, и носорог, и кабаны, и жираф, и целая компания обезьян, качающихся среди пальмовых ветвей, — ну и что с того! — рубашка очень идет ему, он чувствует себя в ней, как дома. Больше всего меня озадачивает его походка — какая-то ерзающая, подскакивающая. При этом он бормочет мотив — два звука — та-та — та-та.

Едет он с мамашей, — она только и знает, что время от времени кричит на весь коридор: «Эдуард, где ты, Эдуард!» Какой Эдуард, не говорит, но думаю, не меньше чем сорок восьмой, ибо подобного рода уходом пользуются только коронованные особы. За все время я ни разу не видел его с книгой, он ничего не читает, не играет ни в какие игры, не разглядывает берега, чего уж вообще трудно избежать. Бывает, мамаша обращается к нему: «Эдуард, смотри, какой интересный лес!» — «Вижу, — отвечает он, не глядя, — люкс!» Или: «Эдуард, послушай, какое интересное радио!» — «Слышу, — отвечает он, не слушая, — люкс!» Единственное, что он еще разглядывает, — это девиц, всех одинаковым, привычно определенным взглядом, и я не могу согласиться с художником, который почему-то нашел у него взгляд «обнаженной страсти» — какая уж там страсть! — скучающе-автоматический взгляд, и все!

Так вот, изображенный выше Эдуард оказался (от нечего делать) среди слушателей импровизированной дискуссии о личности и обществе и тоже принял в ней посильное участие. Взяв слово, он, безобразно осклабившись, сказал: «Ну и чудилы же вы, отцы! Личность, личность! А по-моему, чем быть личностью, лучше быть членом кооператива! Люкс!» И, поднявшись, он направился к выходу — ручки в карманах, локти на весу... Все растерянно переглянулись, а художник, подняв руки, произнес: «Воспитали!!!»

Я вышел из салона и, поднявшись на палубу, увидел Эдуарда, он уже успел подхватить под руки двух девиц и о чем-то им рассказывал — легко было догадаться о чем! — с громким издевательским хохотом. Пока я глядел на него, у меня возникло желание — я не знаю, как отнесется к нему Академия педагогических наук, но позвольте, читатель, по крайней мере высказать это желание, — хотелось подойти к нему и дать ему хорошую затрещину!

Чтоб компенсировать себя и читателя, я спустился вниз, в машинное отделение, где с некоторых пор тоже стал постоянным гостем, чтоб свидеться с моим новым знакомым — инженером Коршуновым.

По совместительству он является председателем судового комитета, и, наблюдая за тем, как он принимает посетителей, я понял, почему он пользуется авторитетом. И тех из читателей, которые тоже принимают посетителей, я попрошу обратить внимание на метод инженера Коршунова, метод не столь уж повсеместный, я сужу, конечно, по своему опыту. Начну с того, что Коршунов внимательно выслушивал посетителя (глаза его блестели под смышленым лбом), он не делал вид, что он внимателен (изображая любезную улыбку в порядке проведения установки о «чуткости к человеку», сам в этот момент соображая, как бы поскорее закруглить визит), нет, он не улыбался, он в самом деле слушал. И это внимание психически передавалось посетителю, не давая ему превратиться в просителя, а оставаться собой, не поступаясь своим достоинством! Обычно, как известно, посетитель говорит довольно пространно, что легко объясняется его опасением, что его не уразумеют, и бывает, что иной принимающий (различного ранга, от домоуправа до министра) бросает ему в этом случае «покороче», что в общем и логично, и законно, но травмирует посетителя, не делая его, впрочем, менее разговорчивым. Коршунов же, воспользовавшись паузой у посетителя, сам формулирует то, что тот сказал, а главное, что он собирается сказать (что не трудно предвидеть, если внимательно слушать), и посетитель, обрадованный, что его так хорошо поняли, ограничивается дополнительными данными. «Откуда, — спросят, — у этого, совсем еще молодого человека такой умелый подход к людям?» По-моему, суть тут в том, что он делает лишь все выводы из того, что он коммунист.

В машинном отделении мы продвигались с Коршуновым вдоль узкого коридорчика между двумя стенами пультов управления и распределительных досок, и Коршунов, предупрежденный мною, что я далеко не знаток в технике, и сам почему-то догадавшийся об этом, находит деликатный способ объяснить мне суть дела. Он подбирает не самого способного из практикантов (к тому же не техника в будущем, а штурмана, обязанного, однако, разбираться в механизмах) и принимает у него зачет в моем присутствии и задает ему вопросы, из которых совершенно ясно, что он не собирается его провалить, вопросы, на которые я жду ответа нетерпеливее, чем сам Коршунов. «А что же такое дизель?», «А как его приводят в действие?», «А что это за рукоятка?». И практикант, робея в присутствии солидного члена экзаменационной комиссии, за которого он меня принимает (а я соответственно веду себя), дает долгожданные ответы, и если они почему-либо не сразу доходят до члена экзаменационной комиссии, то Коршунов до тех пор растолковывает практиканту в чем дело, пока даже на лице члена экзаменационной комиссии не появляется некий просвет. Считая меня уже достаточно подкованным, Коршунов как раз сегодня, когда я к нему спустился, принимается объяснять мне устройство холодильных установок (в каюты подается кондиционированный воздух, и сорокаградусная астраханская жара за окном не в силах уморить вас), каковые находятся в его ведении.

Отметим примечательную черту. Автоматизация и механизация производственных процессов достигают на этом судне такого уровня, что живым людям остается преимущественно следить за поведением машин, чтоб в случае нужды прийти к ним на помощь, если такая нужда, повторяю, возникнет. Дело важное — что скажешь, — но для живого человека может показаться, что и маловато. Оказывается, что оно хоть и главное официально, но неофициально — не главное. «Что же, — спросят, — главное, в таком случае?» Главное — довести самую эту автоматизацию и механизацию (есть тут, конечно, неосвоенные резервы) до возможной полноты, упростить процессы в одном случае и, напротив, усложнить в другом, когда это дает более богатый результат. Если только подумать, какое широкое поле деятельности! Люди переключаются от исполнительства к созидательству, и этот нерв творчества сильнее двигает вперед, чем все три дизеля нашего электрохода! Только и слышишь: одно нашел Спирин, другое — Ершков, третье — Бечин, четвертое — Коршунов.

Что нашел Коршунов, он мне сейчас рассказывает. Мы входим в холодильный цех, и я замечаю, что один из аппаратов уже отключен. Я спрашиваю об этом. «Да, да, — зажигается Коршунов, — аппарат уже лишний, без него мы сейчас достигаем того, что раньше с ним!» И Коршунов показывает то чертежи, то машины, снова машины, опять чертежи. Он улыбается и вдруг становится серьезным, и снова улыбается, бледнеет, и вдруг вспыхивает, он говорит, забывая, что уровень его объяснений уже превзошел уровень практиканта и что я с трудом его понимаю, но он продолжает говорить, и его объяснения уже превосходят уровень техника, и я совсем перестаю его понимать, однако он продолжает говорить и доходит до уровня понимания ученого, и не всякого, а ученого с новаторской жилкой, однако он продолжает говорить, потому что я продолжаю его слушать, а я продолжаю его слушать и, пожалуй, еще внимательнее, чем прежде, потому, что он объясняет не только то, что поражает в машине, но и то, что поражает в человеке, а я не знаю, что может быть еще более интересного на свете...

Когда я вышел на палубу, было уже довольно поздно, и первый, кого я увидел, был снова Эдуард; я столкнулся с ним лицом к лицу. Не знаю почему, но, взглянув на него, я расхохотался, вся моя злость на него прошла, и чем дольше я глядел на него, тем больше смеялся и уже не мог остановиться (а он стоял, разинув свой мясистый рот), и, смеясь, я подошел к нему и, хлопнув его по плечу, сказал: «Эх ты, Люкс!».

ЧИТАТЕЛЬ ПОДДЕРЖИВАЕТ

«ЛЮБИТЬ ЛИ САШЕ МАШУ?»

13 августа 1960 года в «Литературной газете» была помещена статья «Любить ли Саше Машу?» В ней говорилось о необходимости чуткого, тактичного отношения к людям, о чьих интимных отношениях, быте пишет та или иная газета. Ведь еще случается, что авторы «бытовых» материалов скатываются до ненужного смакования подробностей человеческих личных отношений. В качестве яркого примера такого рода в газете упоминается статья «Закон за это не карает...», помещенная городнянской районной газетой «Колгоспний промінь», где в бесцеремонных, грубых выражениях выворачивается наизнанку личная жизнь людей.

Бюро Городнянского РК КП Украины признало критику правильной. Исполчающему обязанности редактора, автору статьи И. Дудко объявлен выговор за бестактное отношение к людям, о которых шла речь в газетном материале.

***

Статья И. Панкратовой «Любить ли Саше Машу?» затрагивала вопросы, которые не могут быть безразличны ни нашей печати, ни нашему читателю. И читатель откликнулся сейчас же: буквально в день опубликования статьи в редакции стали раздаваться звонки, а позже пошли письма — десятки писем!

«Хочу высказать свое мнение по поводу напечатанной в «Литературной газете» статьи И. Панкратовой «Любить ли Саше Машу?» — пишет нам читатель И. Шингарев из Минска. — Полностью присоединяюсь! Совершенно верно: публикация материалов на так называемую «семейную» тему очень часто выливается в пересказ скандальных историй, перечень капризов отдельных лиц и прочих мелочей интимной жизни человека, подчас очень сложной и противоречивой. Подобное освещение темы пользы не приносит, скорее наоборот. В семейной жизни просить рецептов у читателей — дело совершенно пустое и ненужное».

«Я и сама собиралась написать в редакцию письмо такого содержания,— сообщает читательница Нелли Панкратова из Ростова.— Мои друзья знали об этом, и я даже подумала, не написали ли это они в газету за моей подписью... Очень насущная тема!»

И на Урале люди читали и обсуждали статью «Любить ли Саше Машу?». Тов. Зельмановский из Свердловска прислал большое интересное письмо, в котором сказано:

«Н. Панкратова подняла на страницах газеты очень актуальный и серьезный вопрос. Мы не против острых, принципиальных фельетонов или очерков на бытовые темы. Но нельзя мириться со смакованием каких-то сокровенных моментов в жизни супругов. Это напоминает замашки буржуазной прессы. Не к лицу нам заглядывать в чужие спальни. А это нередко делают... С другой стороны, в наших газетах мало показывает красоту взаимоотношений советских людей, особенно молодежи».

Горячо откликнулся на статью и тов. Скоморовский, житель Калининграда: «Безусловно, статья «Любить ли Саше Машу?» правильная и нельзя с ней не согласиться. Вполне справедливо там критикуется газета «Литература и жизнь».

Думаю, что после прочтения статьи Н. Панкратовой громадное большинство читателей с ней согласится и «Литература и жизнь» и другие органы печати сделают для себя выводы и не будут отвлекать внимание читателей на мелкие вопросы и мелкотравчатые материалы, не имеющие по существу общественного значения».

В вашей газете от 13 августа напечатана статья, под которой я готов подписаться,— говорится в письме тов. Г-на.— Мои близкие, в частности, мой сын девяти лет, уже пострадали от такого безобразного «смакования» подробностей нашей семейной жизни. Ведь в школе тоже читают газеты...»

Из Казахстана и Закарпатья, северных деревень и больших южных городов идут отклики. Читатель согласен, читатель поддерживает!

ПОСЛЕ ТВОРЧЕСКИХ ПОЕЗДОК

НА ДНЯХ в Центральном Доме литераторов состоялось открытое партийное собрание московских прозаиков. Писатели поделились впечатлениями от поездок, рассказали о творческих замыслах.

Во вступительном слове Александр Исбах говорил о возросшей роли советского искусства и литературы, о том, как художники слова «прощупывают жизнь своими руками». А. Исбах предложил создать сборник, куда бы вошли привезенные из командировок и путешествий очерки, рассказы, фельетоны.

Н. Атаров рассказал о своей поездке на Енисей, П. Лунницкий — о творческой командировке в Афганистан. На основе дневника военных лет В. Рудный пишет книгу «Кинбурнская тетрадь». Недавно автор совершил поездку на Кинбурнскую косу для сбора дополнительного материала.

А. Борщаговский говорил о дискуссии «физиков и лириков». Писатели должны быть на уровне культуры своего времени, должны быть требовательнее к себе. Нельзя скользить по поверхности жизни, когда необходимо яростно в нее вмешиваться. Каждому нужно найти свой Братск в творчестве...

Планами на будущее поделились О. Мальцев, А. Андреев, Ю. Семенов, М. Садовнич, А. Акимова, Г. Калиновский.

Затем собрание обсудило итоги минувшего учебного года в сети партийного просвещения.

Продолжение. Начало см. №№ 90, 96, 102.

ЭТО НУЖНО ЧЕЛОВЕКУ

Б. РЯБИНИН

МНЕ попались эти мальчишки случайно на улице. Один тащил на руках кошку, другой поспешал следом.

Я люблю животных и не удержался, чтобы не спросить:

— Куда вы ее?

— Топить. Мать приказала. Пакостит!

Кошка — чистая, хорошая, с искристой пушистой шерсткой. Не сопротивляясь, она испуганно таращила круглые зеленоватые глаза.

— В институт понесли. Там за них деньги платят, — объяснила мне старушка-соседка, когда подростки со своей жертвой уже скрылись за углом.

Возвращаясь назад через час, я снова встретил этих мальчишек. Один ел мороженое, другой сосал леденец. Ясно: «заработали»...

Значит, ребята солгали. И кошка наверняка была чужой.

Я не поленился, сходил и проверил, правду ли сказала старушка.

Да, кошек принимают. И платят. По три целковых с головы. На кино и мороженое хватит.

Случай, казалось бы, заурядный и незначительный, но он заставляет задуматься над многим.

Нужны ли подопытные животные институтам? Да, нужны. Против этого возражать было бы бессмысленно. Но почему их принимают за плату от ребят?

Подумали ли те, кто выкладывает эти несчастные три рубля, к чему ведет их трешница?

Думается, что, воспитывая у подрастающего поколения многие прекрасные черты, мы порой упускаем из поля зрения одно важнейшее человеческое качество — доброту. Об этом забывают нередко в школе, в пионерских и комсомольских организациях, в семье.

А между тем доброта тоже не приходит сама, ее тоже нужно прививать, вырабатывать с детства. И доброта — это вовсе не мягкотелость, слабодушие, как иной раз думают некоторые.

«Сильные должны быть добрыми», — говорил Максим Горький.

Любовь к животным — важное душевное качество, из которого произрастают многие другие свойства характера, которые мы хотим видеть в советских людях. Доброта — это и благородство, честность, помощь слабому, любовь к природе.

Мучать животное — это прежде всего не уважать самого себя. Если человек способен на жестокое, бессмысленное убийство животного, если страдания доставляют ему удовольствие, он сможет убедить себя, что и человеческое страдание не такое уж страшное дело.

Около полутора лет назад по инициативе ряда выдающихся деятелей науки, искусства, литературы при Московском городском отделении Всероссийского общества по охране природы была организована секция защиты животных.

Однако деятельность секции наталкивается на ряд трудностей, и в первую очередь на недопонимание его задач, значения целей, которые оно перед собой ставит. Иные отождествляют его с неким благотворительным заведением, где дамы-патронессы шефствуют-де над болонками. Надо ли говорить, как далека гуманная и очень полезная деятельность общества от таких вот нелепых представлений?

Случаев же, когда вмешательство общества просто необходимо, к сожалению, немало. Вот один из них. В Ялте по решению городского Совета провели кампанию отстрела домашних животных. В течение месяца шла «реализация» этого непродуманного решения, то есть уничтожение собак. Сцены при этом разыгрывались дикие.

Сошлюсь на такой факт. Ученик 10-го класса Владислав Краснов в пять часов утра отстегнул цепь от будки, чтобы выгулять свою охотничью собаку Ральфа. В этот момент во двор вбежала «отстрельщики» и выстрелом из ружья ранили щенка-пойнтера, а затем бросили в машину. Юноша бежал следом, умоляя отдать щенка, но тщетно. Те, кто любит животных, поймут, как травмировала юношу эта жестокая и бессмысленная расправа.

Во время месячника уничтожались и собаки, несшие охрану складов, электростанции и других объектов.

Ялтинский горсовет принял также еще одно «мудрое» решение: держать домашнее животное можно лишь с согласия жильцов всего дома. А если в доме сто квартир? Абсурд. Кроме того, по этому же решению вы даже не можете вступиться за животное: вас сочтут злостным хулиганом.

Собакобоязнь среди населения раздувают и некоторые медицинские издания.

В Ленинграде миллионным тиражом издана книга «За здоровый быт». Она содержит статью профессора Шафира о гигиене жилища, где любой безобидный пес предстает перед читателем как грозная опасность.

Спору нет, санитарная пропаганда нужна, но нужно не пугать, а учить обращению с домашними животными, учить соблюдению элементарных правил их содержания.

Владельцев, виновных в неправильном содержании животных, нужно штрафовать, прибегать к другим мерам административного воздействия, но не истреблять животных.

Решения, издаваемые местными Советами в целях борьбы с эпизоотиями бешенства и сохранения общественного порядка, наряду с правилами, регулирующими порядок содержания домашних животных в городах и населенных пунктах, должны быть дополнены пунктом, что всякое увечье домашнего животного — собаки, кошки — карается законом, как карается и садизм.

Очевидно также, что в существующее законодательство, направленное на охрану личной собственности граждан, должно быть внесено соответствующее уточнение, чтобы хозяева, любящие своих домашних животных и хорошо за ними ухаживающие, не дрожали бы за их судьбу. К слову, защита прав владельцев домашних животных обеспечена во многих зарубежных странах.

Мы охраняем природу — флору, фауну; мы должны охранять, защищать и домашних животных — наших верных друзей. Этого требуют справедливость, человеческое достоинство.

Вспомним о традициях великой русской литературы. Сколько замечательных художников прошлого воспитывало своими произведениями доброе, снисходительное отношение к животному, связывая это с достоинством человека.

Воспитание доброты необходимо прежде всего для самого человека. Это нужно нам, людям.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

ЛЮДИ СТРОЯТ ДВОРЕЦ

Действие нового романа Г. Леберехта «Дворцы Вассаров»* разворачивается в годы от поражения первой русской революции до первых крупных успехов строительства социализма в нашей стране. В романе идет речь и о мрачных годах реакции, и о драматических событиях первой мировой войны, и о ложной демократии февральской революции, и о вихрях Великого Октября, и о грозных днях наступления Юденича на революционный Петроград, и о подневольной жизни в «свободной» Эстонии, и о начальных шагах восстановления хозяйства Советской России. Это движение истории, постоянно нарастающее, диктует роману ритм, определяет пути основных героев.

Но «Дворцы Вассаров» не только исторический роман, ставящий своей целью сохранить, сберечь для потомства черты драгоценной эпохи революционного преобразования жизни. Роман Г. Леберехта буквально прострочен живой современной мыслью. Что же это за мысль?

Иногда утверждают, будто политика — это что-то обособленное, вотчина государственных мужей и дипломатов, а семья — дело сугубо личное, никакого отношения к политике не имеющее. Мой дом — моя крепость, говорили англичане; иметь «свой дворец» мечтают герои Леберехта.

«Человек однажды рождается на свет, хоть раз да женится, хоть один должен выстроить в своей жизни дом. Пусть не дворец, а самый скромный дом для себя и своей семьи», — говорит Герман Вассар от имени всех, кто считает, что жизнь семейная не зависит от жизни политической.

На другом полюсе — слова революционера Солдатова, сказанные в годы разрухи, когда завод испытывал перебои с топливом: «Старый трактир разберем на дрова, на том месте дворец когда-нибудь построим для рабочих».

Но, может быть, еще отчетливее это столкновение несопоставимых, на первый взгляд, явлений аккумулировано в раздумьях Анны Вассар, жены одного из братьев. В голодный год она уезжает в деревню к матери — уборщице в сельской школе; там встречается со своей сестрой — продувной и жадной спекулянткой, которая предлагает усыновить Эрнста, сына Анны, потому что Марии нужен наследник: ведь и спекулянты задумываются о будущем. И вот Анна размышляет: «Теперь, наконец, следовало окончательно выбирать между родной сестрой Марией, соглашавшейся вышколить ее сына Эрнста в университете на свои бесовские деньги, и человеком из Смольного, который по бедности не был даже в состоянии накормить сейчас досыта детей России хлебом, хотя он и любил их, очевидно.

И когда вопрос стал перед Анной так неотвратимо, она, ради будущего своих детей, в тяжких раздумьях все же склонилась к человеку из Смольного. Судя по тому, очень немногому, что Анна знала о Ленине, она догадывалась, что он любит детей, жизнь, будущее. И Анна свершила свой трудный выбор».

Казалось бы, вопрос неправомерный: родная сестра или человек, олицетворяющий новый социальный мир? Но ведь сама жизнь поставила так вопрос, и от этого никому не дано уйти. Политика вторгается в быт семьи, ибо семья — частица общества.

В центре романа — братья Вассары, Эдуард и Герман. Оба они — квалифицированные металлисты и по сравнению с другими неплохо зарабатывали, но все же не могли добиться прочного достатка.

Всю жизнь метался Герман: из Таллина в Вологду, из Вологды в Петербург, из революционного Петрограда в «независимую» Эстонию. Каждый раз он надеялся найти заветное место, где больше платят, никак не желая понять, что капиталист везде одинаков. И вот Герман вернулся в Таллин, в ту же квартирку, которую он снимал в молодости, — и ему кажется, что круг завершился. Но это только кажется: на самом деле ему стало хуже. Он вынужден отдать сына в батраки, где тот вскоре, избитый хозяином, умирает; сам Герман в поисках заработка едет в Австралию и там, не найдя работы по специальности, нанимается в лесорубы. «Протек наш дворец», — говорит один из лесорубов, оглядывая палатку, в которой они укрываются от дождя. Эти слова — символический итог всего «дворцестроительства» Германа. И недаром именно там он вспоминает, как когда-то с братом стоял у Зимнего дворца; на вопрос — был ли он внутри? — «медленно и затрудненно» отвечает: «Нет, внутри я не был. Так вышло. И боюсь, что то была моя ошибка». Наконец-то и до него дошла взаимосвязь явлений, ранее ускользавшая.

Не простым был и путь Эдуарда, в молодости принимавшего участие в революционном движении: собственно говоря, скрываясь от таллинской полиции, он и перебрался в Петербург. Красавица жена, сын, а затем еще сын, — право же, ради этого не один Эдуард готов был забыть обо всем, никуда не «встревать», не перечить сильному. Его, как и Германа, «незаметно и исподволь втягивало в иссушающую душу повседневную борьбу за кусок хлеба для семьи, за право схорониться от мобилизации». Революция прошла без него. Но все-таки не мимо него. И это спасло Эдуарда: когда он понял, в отличие от брата, что дворец — даже самый маленький — в одиночку не построишь, он пошел в Красную Армию защищать свои права рабочего.

Вокруг этой главной идеи, главного конфликта романа «собираются» и остальные герои. То, что в братьях Вассарах заложено, так сказать, в сравнительно уравновешенном виде, другие герои обнажают, договаривают, проясняют. По сути дела, это и есть главный художественный прием Леберехта: довести все столкновения до логически точного итога, не допускающего разных толкований.

Вот собственник Хярмас, который всю жизнь грезил о собственном владении, — если не хутор, то хоть пригородная дача, — и умер, съев за один присест месячный паек промерзлой картошки.

А вот другой лагерь. Узнав, что Анна едет в революционный Питер, чудесный парнишка, настоящий рабочий человек, Пеет просит ее как о самом большом одолжении: «Когда увидите Путиловский завод, напишите на его воротах или стене: «Да здравствует красное знамя!» И мое имя: Пеет... Пеет Масс». К концу книги мы видим его в числе организаторов рабочего движения в буржуазной Эстонии. И, наконец, Солдатов — рабочий, ставший красным директором завода. С первой же встречи почудились Эдуарду Вассару в Солдатове «какие-то знакомые черты, словно они уже где-то встречались с ним раньше. Такой тип русского мастерового, умного, прошедшего серьезную жизненную школу. Вассару уже случалось видеть в Таллине в годы революции».

Все эти судьбы, собранные вокруг главной идеи, интересны в то же время сами по себе. Но есть в романе один образ, с гипертрофированной ролью которого нельзя согласиться. Это образ Эрнста, сына Эдуарда. Его роль в романе непомерно раздута не только потому, что рассказам о ребенке отведено очень большое количество страниц. И не только потому, что рассказы о милых детских забавах и некоторых переживаниях уводят повествование в сторону и ослабляют пружину сюжета. Гипертрофирована она прежде всего потому, что на ребенка возложено слишком много серьезных идейных «поручений». А так как они все-таки обращены к ребенку, то остаются на уровне прописных истин, давным-давно известных каждому читателю.

И коль скоро речь зашла о недостатках, слабостях романа, хотелось бы сказать об одном, явно отрицательном персонаже романа — безвкусице. Это она продиктовала писателю страницы «роковой» и «красивой» любви Смагина к Алле. Это она продиктовала многие резонерские рассуждения и такие невысокого пошиба сравнения: секретарша «с таким лукавым выражением на лице нажимала клавиши пишущей машинки, словно надавливала кнопку звонка в час свидания»; «во рту появлялся такой вкус, словно он пососал кухонную половую тряпку». Наличие этого нежелательного персонажа тем более досадно, что большинство страниц написано сочным, емким, образным языком.

В романе пока еще не все доработано, не все решено удачно; некоторым образам — Адама Саммельмана, его дочери Лийзи — явно не хватает художественной «осязательности». Но ведь дело не в том, чтобы взвесить все достоинства и недостатки на весах. Роман интересен — и это главное!

А. БОЧАРОВ

* Журнал «Звезда», №№ 5, 6, 7, 8 за 1960 год.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Книги для детей

Гергей М. Элфи. Повесть. Для старшего возраста. Перевод с венгерского Г. Лейбутина и И.Салимона. Послесловие А. Васильева. Рисунки Н. Цейтлина. Детгиз. 223 стр. 90 000 экз. 4 р. 50 к.

Дик И. Девчонки и мальчишки. Рассказы. Для младшего и среднего возраста. «Молодая гвардия». 224 стр. 115 000 экз. 4 р. 75 к.

Квитко Л. Моим друзьям. Стихи. Перевод с еврейского. Издание дополненное. Детгиз. 303 стр. (Школьная библиотека). 100 000 экз. 5 р. 25 к.

Меттер И. Сердитый бригадир. Рассказы. Для среднего и старшего возраста. Рисунки Н. Лямина. Детгиз. 136 стр. 30 000 экз. 3 р. 5 к.

Нейман К. Франк. Повесть. Для среднего возраста. Перевод с немецкого Н. Седугиной. Рисунки В. Андриенкова. Детгиз. 158 стр. 90 000 экз. 3 р. 40 к.

Пашек М. Приключения на Безымянной реке. Повесть. Для среднего возраста. Перевела с чешского Л. Големба. Рисунки В. Стародубцева. Детгиз. 240 стр. 80 000 экз. 5 р. 30 к.

Пушкин А. Евгений Онегин. Роман в стихах. Предисловие, примечания и пояснительные статьи С. Бонди. Рисунки Н. Кузьмина. Детгиз. 296 стр. 120 000 экз. 5 р. 45 к.

Скребицкий Г. Весне навстречу. Рассказ. Для дошкольного возраста. Рисунки А. Келейникова. Детгиз. 20 стр. 325 000 экз. 1 р. 70 к.

Славин Н. Голуби в небе. Повесть. Для среднего и старшего возраста. Иллюстратор В. Дерещук. Симферополь. Крымиздат. 143 стр. 15 000 экз. 3 р. 25 к.

Степаненко В. На золотых песках. Повесть. Для среднего возраста. Рисунки Л. Головенова. Детгиз. 159 стр. 60 000 экз. 3 р. 40 к.

Юнке А. Футбольный клуб «Парни Юга». Повесть. Для среднего и старшего возраста. Перевод с испанского Ю. Дашкевича. Рисунки Б. Маркевич. Детгиз. 221 стр. 70 000 экз. 4 р. 15 к.

НОВИНКИ

«ЛЮДИ НАШИХ СТРОЕК»

В этой книге собраны документальные очерки о тружениках Курска и Железногорска, написанные их земляками — писателями и журналистами.

Книга выпущена в свет Курским книжным издательством.

КНИГА О КУПРИНЕ

Недавно Гослитиздат выпустил в свет отдельной книгой критико-библиографический очерк В. Афанасьева «Александр Иванович Куприн». Это—одно из немногих обращенных к широкому читателю исследований жизни и творчества большого русского писателя. В книге приведено много малоизвестных документов, относящихся к разным периодам творчества Куприна, широко прослеживаются его литературные связи, эстетические, политические симпатии и антипатии художника.

В ИНТЕРЕСАХ ЧИТАТЕЛЕЙ И ПИСАТЕЛЕЙ

В этом году Гослитиздат приступил к изданию серии «Рассказы советских писателей». Уже выпущены массовым тиражом отдельные произведения М. Шолохова, А. Твардовского, В. Некрасова, В. Закрутнина, С. Воронина и других писателей.

Читатели и писатели с большим одобрением встретят инициативу издательства, обратившегося к оперативному, популярному жанру.

ИСКУССТВО И БИЗНЕС

«Если вообще можно говорить о родоначальнике американского реализма, то это Генри В. Фуллер», — писал Теодор Драйзер о выдающемся американском писателе.

Главная тема романов и повестей Фуллера — взаимоотношения искусства и бизнеса в капиталистической Америке. В недавно выпущенной Гослитиздатом книге избранных произведений Г. Б. Фуллера публикуются повести «Падение Эбнера Джойса» и «Доктор Гауди и Тынэ».

Советскому читателю будет интересно познакомиться с творчеством этого замалчиваемого на своей родине писателя.

С. Полетаев. «Егорка меняет характер». «Молодая гвардия». 1960.

ЧТО МОЖНО, А ЧЕГО НЕЛЬЗЯ

Недавно мне пришлось поспорить с одной молодой учительницей. Стаж у нее небольшой, всего два года, но она считала себя законченным знатоком детской психологии.

Она говорила:

— Дети даже младшего школьного возраста не понимают оттенков. Для них существуют только два слова: «можно» и «нельзя». Понятие добра непременно связано со словом «можно», а то, что за этим пределом, является злом. Каждый рассказ должен быть назидателен. Должен совершенно четко отвечать на вопрос, что можно и чего нельзя, что хорошо и что плохо.

Слова эти не явились для меня новыми. Уж так повелось среди известной части наших учителей — многие из них считают детскую литературу служанкой педагогики.

В их представлении детские писатели должны заниматься лишь тем, чтобы составлять катехизис, в котором на все случаи жизни были бы разработаны моральные нормы поведения ребят.

Нет, глубоко неправы те, кто считает, что детская литература требует совершенно иных эстетических норм, чем литература для взрослых! Указующий перст не нужен. Важнее, чтобы маленький читатель сам решил, на чьей стороне должны быть его симпатии.

Обо всем этом я невольно вспомнил, прочитав книгу молодого писателя С. Полетаева «Егорка меняет характер», вышедшую недавно в издательстве «Молодая гвардия».

Лучшие рассказы этой книги интересны тем, что в них автор дает пищу уму и воображению своих юных читателей.

С. Полетаев умеет просто, но очень достоверно рассказывать о добрых чувствах. Вот перед нами два персонажа — Юлька и Павлик. Они вместе растут, играют, дружат. Но Юлька намного старше Павлика. И вот она уже учительница — Юлия Михайловна! Павлик засмеялся во время урока, и его недавняя подруга выставляет его за дверь. Маленькая драма! В представлении Павлика их давняя дружба предана. Он оскорблен в лучших чувствах.

В небольшом этом рассказе заключена глубокая мысль. Впервые Павлик сталкивается с тем, что взрослые называют общественным поведением. Ему нужно самому понять, что его старая подруга Юлька уже не та, что была прежде. И отношения их должны стать другими. А это очень мучительно.

С. Полетаев выступил с первой книгой. В ней собрано девятнадцать рассказов. Они не равноценны.

Открывается сборник рассказом «Возвращение Алеши». Может быть, автор хотел угодить той молодой учительнице, о споре с которой говорилось выше. Но именно этот рассказ нам представляется написанным наименее художественно достоверно, хотя по своей схеме он вполне назидателен.

Целый год Алеша не был дома, жил у подруги своей матери. И вот вернулся домой. Автор задался целью показать трудовой день колхоза, и, по существу, приезд Алеши лишь повод для этого. Мальчик чувствует себя лишним, неприкаянным. Автор находит выход, он тут же отправляет мальчика работать в поле, в коллектив.

Казалось бы, все правильно. Рассказ решает тему труда. Но нет в нем тепла, той жизненной правды, которая согревала бы повествование. Построенный по строгой схеме, рассказ лишен сложности внутренней взаимосвязи. Мы так и не представляем себе ни отца, ни матери Алеши. По сути, они его встречают холодно. Как к бездельнику, относятся к нему и ребята, хотя для этого нет никаких видимых оснований. Ведь он только что приехал.

И автор нажимает на все «педали», чтобы «оправдать» своего героя. Алешка в задумчивости «постоял немного, а потом зашагал по дороге, которая еще дымилась от пыли, поднятой грузовиком. Идти было не меньше часу, и его приходу, конечно, удивятся, но все равно он еще успеет поработать вместе со всеми».

Было бы неправильно утверждать и защищать какие-то правила. Каждый писатель сам ищет и находит творческие решения. Но можно с уверенностью сказать, что поиск писателя не может увенчаться успехом, если он будет идти по заранее начертанной схеме.

Впрочем, недостатки этой книги — естественные издержки творческого роста молодого писателя.

Подавляющее большинство рассказов, включенных в книгу С. Полетаева, свидетельствует о том, что в детскую литературу входит вдумчивый, даровитый писатель.

Александр ВОИНОВ

Сергей ОБРАЗЦОВ

Дружеский шарж румынского художника НЯГУ РЭДУЛЕСКУ

РЕПЛИКИ

«Постав ног» по правилам

Хорошая книга по домоводству — полезна. Но перелистаем довольно пухлую книгу «Домоводство», выпущенную в 1960 году Новосибирским книжным издательством.

Вот раздел «О культуре поведения». Автор — И. Э. Кох. Читаем:

«Бессмысленно держать ложку в кулаке, так как кулак не способствует выполнению мелких движений... на такой простой акт, как подхватывание пищи и поднесение ее ко рту, они (люди. — Ф. К.) затрачивают усилия, совершенно ненужные, делают это жестами, которыми надо деожать топор, вилы или багор».

Еще менее вразумительно звучат «откровения» по поводу хорошей осанки. Если следовать коховским рекомендациям, чуть ли не главным условием приличной осанки является «правильный постав ног».

«Правильный постав ног заключается в умении располагать каблуки по одной прямой линии, а носки несколько в стороны. Этот угол не должен быть больше чем в 40—45 градусов для двух ног».

Автор — блюститель тончайших манер — особо предостерегает от «ошибок в походке».

«Некоторые подпрыгивают на каждом шагу, другие раскачиваются или крутят плечами, третьи — вихляют тазом».

Бедные читатели! Что делать, если обнаружились «ошибки в походке»?

Свои «поучения» Кох распространяет и на ходьбу мужчин и женщин в паре.

«Очень важно, — изрекает автор, — чтобы женщины ходили небольшими шагами — это женственно, а мужчины, наоборот, крупными — это мужественно!».

Основательный экскурс совершает Кох и в область «людских эмоций, чувств».

«Действия людей, — свидетельствует Кох, — в которых проявляются их личные интимные отношения, не должны быть наблюдаемы посторонними».

Регламентируя сложные ситуации, могущие возникнуть в жизни, Кох учит, где и в каком случае следует допускать «дружеское или любовное прикосновение к человеку».

А как обращаться с едой? Тут Кох советует брать такой кусок в рот, который бы «легко в нем помещался» (!)

Против этого, разумеется, трудно возражать. Обычно люди так и поступают. Однако не является ли глава «О культуре поведения» тем самым куском, который не умещается в умах читателей?

Думают ли об этом новосибирские издатели?

Ф. КОЗЫРЕВ

Движение времени

На русском языке впервые вышли избранные стихи румынской поэтессы Марии Банус. В любовно подобранных и добросовестно переведенных группой переводчиков произведениях Банус ощутимо движение времени, общий путь прогрессивной поэзии мира.

Стихи 1940—1944 годов — гимн стойкости духа. «Все, что я раньше любила, под танками громче поет». Поэт верит, что человек сам отвечает за все на свете, что мы, «как сосны, раны заживляем сами», чтобы «на месте шрама» вырастало «гнездо». Годы фашистской оккупации (Банус — активная участница коммунистического подполья) стали годами ее духовной закалки. Стихи этих лет мужественны, ясны по структуре, но в значительной степени отвлеченны по образности.

Иная тональность, иные мотивы намечаются уже в конце этого периода, в стихах 1944 года. Главное здесь — пробуждение живых сил («Человек после долгого сна выходит за счастьем в погоню»), ощущение выхода личности из «леса колдовского» рабских обстоятельств, освобождение ее — «Как прут оголенный, гладка и влажна, трепещет душа на ладони...». Однако «новой песни трепет» еще нередко дает зыбкое отражение на бумаге. Может быть, поэтому переход к темам первых послевоенных лет (циклы «Мартовский ветер», «Избранные стихи») происходил не без потерь в области формы — Банус часто впадала в риторику, весьма умозрительную. Но уже к циклу «Показывается мир» (1956) поэтесса круто набирает высоту.

Поэзия М. Банус достигает теперь лирического синтеза большой темы, широкого дыхания и реалистической отчетливости деталей. Мысли крепнут, пафос их органичен.

Дети — наше будущее, так передадим им вовремя то лучшее, что есть в нас,—горящий факел прометеева огня, чтобы в тоскливой тишине мироздания не встали «меж нами светила, громады из камня...» Великолепные стихи, или, точнее, маленькие поэмы — «С тобой говорю, Америка», «Дети ждут нас», «У райских врат» — лучшее, что есть в этой интересной книге.

Русскому читателю, знающему книгу поэм В. Луговского «Середина века», покажется близким эта манера симфонического повествования, где философские раздумья, ораторские призывы, внимательнейший анализ души человека, прямая политика и дальняя мечта о всеобщем братстве человечества слиты в едином лирическом потоке.

Перекличкой с Маяковским воспримутся эти строки румынской поэтессы:

Не знать покоя мне, покуда на земле
покрыты будут плечи человека
любого, или только одного,
лохмотьями гнилыми униженья,
коростою и струпьями болезни,
незаживающими ранами войны.

«Ведь счастье всем принадлежит иль никому».

Женщина-поэт создала незабываемый образ матери, которая, видя на экране «Сталинградскую битву», «рукою шарит», ощупывая голову «с короткой стрижкою колючей», «шерстистый воротник тугой вкруг нежной шеи». «Тут он рядом, мой сын...» Сильный, психологически правдивый штрих! Но вот эта нежная, материнская рука сжимается в кулак гнева:

Встань, старик могучий Уитмен,
дай мне ураганную силищу слов твоих грозных,
чтоб вымести всех торгашей,
мясников, фарисеев из храма!

М. Банус — поэт активного склада души. Очень современной, очень нужной человеку предстает ее поэзия. В предисловии автор говорит, что стоит перед советскими читателями «с открытой душой». Душа поэзии Банус открыта перед временем. А это ли не высшая заслуга поэта?

Владимир ОГНЕВ

Мария Банус. Стихи. Переводы с румынского. Гослитиздат. 1960.

Пасмурный день. Фото А. Лидева

Раздумья у телевизора

В редакцию приходят письма. Из разных городов, от разных людей. Все они откликнулись на статью В. Пахомова «Мы ждем вас, писатели!», которой «Литературная газета» начала разговор о пути, о перспективах телевидения. Сегодня мы помещаем некоторые из этих писем.

СМЕЛЕЕ ИСКАТЬ

Не знаю, удастся ли выразить свои мысли, которые все больше и больше беспокоят и даже тревожат меня—художника, работающего на телевидении. Хочется поговорить о передачах общественно-политических, занимающих у нас такое большое место.

...Окончена трудовая напряженная смена. Сталевар возвратился домой. Он сегодня выдал еще одну плавку сверх плана! У семейного стола хлопочет жена: «Ну как, Митя, у вас там?..»

Ей многое уже известно о его суровой и почетной профессии...

Это не начало передачи. Это воображаемая сцена из жизни (хотя форма передачи может быть и такой). Но вернемся к нашим новым знакомым... Дмитрий встает со стула: «Давай-ка, Галя, посмотрим, что там у нас сегодня по телевизору?..»

Вспыхивает голубым светом экран, и миловидная дикторша объявляет: «В девятнадцать часов пятьдесят минут смотрите телевизионную передачу «Рационализаторы и изобретатели одного завода». Торжественно звучит музыка, и голос ведущего за кадром вещает о достижениях рационализаторов и изобретателей того самого завода, где работает Дмитрий. На экране наплывом, одна за другой, проходят машины, детали, схемы, бегает указка. А голос за кадром торжественно и монотонно непонятными техническими терминами объясняет не менее непонятные узлы и детали машин. В конце концов, в кадре появляется изобретатель завода Н... Суконным языком по заранее написанному тексту, который почему-то называется телевизионным сценарием, отчитывается он перед телезрителями, приводя цифру за цифрой... И ни одного живого слова. Дмитрий как-то странно ежится и недоумевающе произносит: «Галя, ведь на самом деле он у нас совсем не такой, что это с ним?»

И Дмитрий совершенно прав. Сколько бессонных ночей провел, наверно, изобретатель за своими чертежами, прежде чем его предложение было внедрено в производство.

И почему бы не показать человека самим собой, с его переживаниями, надеждами, просчетами и удачами? Зачем обязательно строить сценарий и передачу в форме какого-то отчетного доклада, да еще в масштабе всего завода? Ведь какие здесь у телевидения богатые возможности по сравнению даже с такими могучими средствами пропаганды, как радио и печать. Не нужно только бояться нового.

Конечно, куда проще дублировать, я уже не говорю кино или театр, а радио и печать. Но советский человек с каждым днем все больше и больше тянется к культуре и искусству. И с каждым днем все требовательнее относится к телевидению. Отрадно видеть на новых домах, растущих как в сказке, все новые и новые телевизионные антенны. И веришь, что скоро, очень скоро расцветет это молодое искусство!

С. ГАДАЕВ,
художник Черепозецкой студии телевидения

ЛИТЕРАТУРУ НАДО ЛЮБИТЬ

Литературные передачи по телевидению — явление редкое. Еще более редкое явление — интересные литературные передачи. Их было так мало, что можно перечислить по пальцам. Когда-то люди, любящие литературу, обсуждали новости литературы в салонах, доступных немногим. Теперь салоны для избранных с успехом могла бы заменить студия телевидения, где собирались бы литераторы. Широкие круги читателей-телезрителей участвовали бы вместе с ними в обсуждении новых произведений.

Студия телевидения относится к литературе, как мачеха к падчерице, считая своей родной дочерью только физкультуру. Передачи на тему «Физкультура и спорт» — достойны похвалы. Они держат любителей спорта в курсе всех спортивных событий, соревнований и дел. По телевидению даже учат плавать. Редакция спортивных передач имеет и свой журнал. А литературная журнала не имеет!

На студии телевидения есть много журналов: «Знание», «Наш клуб», «Искусство», «Для вас, женщины», «Здоровье» и другие. А чем, например, отличаются журналы «Искусство» и «Наш клуб» друг от друга? Журналы сами, мне кажется, не знают своего направления. Системы в их издании нет. Нужны ли они все? Некоторые, как, например, «Здоровье», стоят на крайне низком уровне. Почему не «издавать» этот журнал на базе печатного журнала «Здоровье», где сотрудничают все лучшие медицинские силы? Почему не давать просто обзор журнала «Здоровье»? Ведь лишние редакции на студии — лишние деньги. Почему на радио можно совершить путешествие по страницам журнала «Музыкальная жизнь», а на телевидении нет?

А путешествие по страницам только-только выходящего из печати номера «Нового мира», «Октября», «Знамени» — разве они не были б увлекательны? Больше внимания, любви к литературе — вот к чему хочется призвать работников телестудий.

А. ШВЕЦОВА
МОСКВА

НЕ ЗАМЫКАТЬСЯ В РАМКАХ ДРАМАТУРГИИ

Какие другие искусства, кроме телевидения, имеют такое широкое общение со зрителем? Особенно с сельским, где и кинокартины-то демонстрируются один-два раза в неделю, да и то, как правило, «не первой молодости»?

А уж про театр с эстрадой и говорить нечего, ибо не могут же их полноценно заменить сельские художественные коллективы?

И пусть телевизионные установки пока не являются достоянием каждой семьи — обладать ими каждому сельскому клубу можно и должно. Хотя — увы! — к великому моему огорчению, в наш сельский клуб правление колхоза до сих пор не удосужилось поставить телевизор. Но тем не менее телевизоры имеются почти в каждом селе и не считается зазорным посещать дома, где имеются телеустановки. Напротив, такие дружеские общения приятны и хозяевам и гостям, и нельзя не радоваться, что они с успехом вытесняют пустые и скучные деревенские «посиделки». Нужно ли объяснять мое, может, и чересчур восторженное отношение к телевидению, если учесть, что я сельский житель? Думаю, что нет.

Но, относясь к телевидению, как к хорошему другу, я не могу не пожелать ему более плодотворной и разносторонней, достойной его жизни. Почему, например, не устраивать чаще вечера поэзии, встречи с современными выдающимися поэтами, писателями и критиками, где бы они знакомили нас с новыми своими произведениями. Хотелось, чтобы в репертуар были включены не только инсценированные рассказы, поэмы, новеллы и повести, а и фельетоны, бичующие тунеядцев, стиляг, бюрократов и прочую плесень, мешающую строить новую жизнь. Это и есть оперативность, которая должна оживлять и разнообразить программу. И не нужно свои поиски ограничивать только областью драматургии. Телевидение должно по-своему рассказывать о последних достижениях искусства и литературы, науки, словом, о тех достижениях человечества, которые мы именуем культурой. И только тогда оно встанет по-настоящему на ноги.

Алексей СКВОРЦОВ,
колхозник

Колхоз «Приволжье», Тутаевский район Ярославской области, деревня Кузиново

Н. Н. МИХАЙЛОВ

РАСТИ, МИРАНДА!

НА ДНЯХ, вернувшись домой, я обнаружил в ящике для почты белый квадратик конверта: в углу оранжевая марка — президент Гаррисон, лиловая марка — президент Джефферсон. Это было неожиданное письмо от американского путешественника и писателя, с которым я познакомился в Нью-Йорке два года назад.

В конверте оказалась картонная карточка с шутливым рисунком — карапузик, ставший на четвереньки, выглядывает из-за коленок и говорит: «Хелло, а вот и я!» Фигурным курсивом набрана фраза: «Мистер и миссис Хорэс Саттон сообщают о рождении дочери по имени Миранда — 6 фунтов 11 унций».

Не скрою, я растрогался. Далекие люди вспомнили обо мне в их счастливые дни.

И я задумался. Вновь почувствовал, как мне приоткрывается душа американца.

Все последнее время, в этом разгаре мировых событий, я думаю об американском народе. Что у него на уме и на сердце? Понимает ли он, какую ответственность возложила на него история? Когда же ответит он недобрую воинственную руку?

С чувством надежды верчу я маленький конвертик.

Простые американцы выражают свои эмоции, не считаясь ни с чем. В симпатиях и антипатиях они проявляют прямоту. Вот один из них ощутил потребность поделиться радостью с советским человеком — и не остановили его ни дальность расстояния, ни разница мировоззрений, ни надутая и устрашающая мина властей. В этом — добрый залог на будущее: придет же, наконец, время открытой и достойной дружбы!

Жизнь за истекшие два года давала немало поводов вспомнить московского коллегу, но самым сильным из них оказалась домашняя радость. Американцы, при всей их суетливой деловитости, любят тихий быт, круг семьи, игру с детьми. Они прекрасно понимают ценность мира — и генералы, пугая их «агрессией», спекулируют именно на тяге к мирной жизни. Весть о рождении человека, пришедшую из Нью-Йорка, я воспринимаю как опровержение идей войны устами американца.

Серьезное известие сопровождается шуткой — типичная американская черта. Американцы — если не затронуты неврозом — бодры и веселы, лишены угрюмости и зла. Они не держат камня за пазухой. С ними легко.

Эта карточка со штриховым рисунком сделана тщательно и вызывает не только улыбку, но также уважение к мастеру. Я угадываю присущую американским работникам культуру труда.

Хороший работник — много ли на свете похвал выше этой? Не всем нравятся небоскребы, но каждый согласится, что американские рабочие строят их смело и быстро. В телевизорах чаще показывают ерунду, но сами аппараты безупречны. Роскошь дорогих автомобилей вызывает острое ощущение социального неравенства в стране, но сработаны они отлично... Материк от океана до океана застроен городами, вычерчен нивами, вдоль и поперек перепетлен дорогами — это дело рук американских тружеников. Такие люди не могут не ценить созидание, они должны ненавидеть разрушение.

Карточку вложил в конверт и послал мне американский литератор. Я думаю о писателях Америки, о ее художественных идеологах, выразителях духовного облика народа. Нам известно, сколько литераторов этой капиталистической страны предалось пошлой коммерции. И нам известно, что ни одна другая страна, кроме Франции, не дала столько писателей, любимых в России. Героика Лондона, смех Твена, страсть Уитмена, обличения Драйзера, анализ Синклера, мужество Хемингуэя...

С чувством надежды смотрю я на конверт с двумя штемпелями, стоящими рядом: New York, N. Y. 17, Москва, В-311...

Благодарю, ценю, понимаю.

И на правах друга осмеливаюсь сказать: американцы, отдайте себе отчет в серьезности момента!

Как давно известно, достоинства, несообразно продолженные, порою грозят перейти в недостатки.

Восхитительна американская непосредственность, но хотелось бы, чтобы она отличалась от благодушия и легковерия. Хорошо, что американцы искренне и бурно проявляют симпатии, но нельзя не пожелать, чтобы они более четко отличали друзей от врагов, больше прислушивались к собственному разуму.

Не раз приходилось мне слышать вопрос: американцы — народ хороший, но как же объяснить грубость многих американских солдат, цинизм многих американских подростков? А очень просто: не плохие, но не стойкие, не самостоятельные люди попадают в машину, построенную на худших капиталистических принципах, — в машину армии, в машину улицы.

На личной жизни, на благополучии семьи, на удобном быте сосредоточиваются главные устремления рядового американца — и это важный залог миролюбия. Но если бы интересы американцев меньше замыкались в домашнем кругу, неприязнь к войне легче бы нашла воплощение в реальных гарантиях всеобщего мира. Ведь история наших атомных дней не только сурова, но и взыскательна. Ответственность за судьбу человечества несет сейчас каждая семья, как бы внутри себя ни была она полна собственных невзгод или собственного счастья.

Идет время, историческая жизнь берет свое, ширятся взаимные отношения, усиливается общность людских и народных судеб, обостряется общественное сознание — и нет сомнений, что тенденции мира и дружбы, лежащие в глубине американской натуры, пробьют выход и осуществятся в полной мере.

С чувством надежды взираю я на конверт, прилетевший из-за океана. Оранжевая марка — Гаррисон, лиловая марка — Джефферсон... Два профиля, два президента, две дороги для американской личности, если хотите — альтернатива. Первый — проводник империалистической экспансии и панамериканизма, второй — демократ, просветитель, друг Французской революции, автор Декларации независимости с ее великой формулой, до сих пор вдохновляющей лучших представителей американского общества: «все люди созданы равными».

***

Я вижу многоэтажный жилой дом совсем недалеко от Ист-ривер. На балконе, вымощенном красным клинкером и увитом зеленью, лежит в колыбели крохотная американская девочка. Я был в этом доме вечером и не знаю, — может быть, с балкона виден поверх крыш стеклянный угол высокого здания...

Когда Миранда вырастет, она узнает, что в первые дни ее земного существования там, на берегу не очень гостеприимной Ист-ривер, самые светлые силы современного мира вели самоотверженную борьбу за ее жизнь, за счастье и свободу ее будущего.

Художники героической Кубы

Как уже сообщалось в «Литературной газете», в Москве впервые открыта выставка «Графика Кубы». Она не только знакомит нас с состоянием кубинской гравюры и особенно гравюры на дереве, но и открывает богатые возможности для знакомства с этой замечательной страной и ее героическим народом.

Сегодня мы помещаем две работы с этой выставки.

Справа — «Лицо», работа Армандо Поссе, гравера и ювелира, художника-самоучки.

Снизу — гравюра участника многих национальных и зарубежных выставок, автора иллюстраций к нескольким сборникам кубинских рассказов Освальдо Кабрера дель Валье — «Народная демонстрация». Демонстранты несут лозунги: «Спасибо, Фидель» и другие.

Марсель ФУРЬЕ, французский публицист

ИДЕИ МИРА ПРОЛОЖАТ СЕБЕ ПУТЬ!

ОДИН из французских писателей прошлого в свое время писал: «Всякий раз, когда предпринимается публичное обсуждение великих проблем, в народные массы проникают новые идеи и расширяется человеческий кругозор».

Сказанное полностью относится и к делу мира. Идея мира сегодня пробуждает к жизни настолько активные силы, что можно предвидеть счастливый момент, когда наконец эта идея победоносно воцарится повсюду.

С этой точки зрения и следует, по-моему, рассматривать речь, произнесенную главой Советского правительства на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Речь эта является прежде всего выражением огромного доверия к уму и сознанию народов.

Возможно, что своей откровенностью она шокировала старых лис, засевших в Организации Объединенных Наций. Известно, что г-н Гертер назвал ее «поджигательской». Корреспондент французской газеты «Монд» в Нью-Йорке в свою очередь объявил ее «казацкой атакой». Еще немного, и станут уверять, что весь 38-й этаж знаменитой «стеклянной клетки», как привыкли называть здание ООН, уже разлетелся на куски...

Однако пора начать серьезный разговор. Не приходится сомневаться, что требование ликвидации колониальной системы, выдвинутое главой советской делегации, повергло в панику весь лагерь колонизаторов. Верно и то, что, предложив осуществить демократическую реформу генерального секретариата Организации Объединенных Наций, Хрущев действительно штурмовал «Бастилию» и атаковал ее американский гарнизон.

Но разве не необходимо оздоровить ООН в момент, когда в нее вливаются молодые деятельные народы Азии и Африки, когда она находится на пути к превращению в подлинный международный форум, где будут обсуждаться и разрешаться важнейшие и насущные проблемы мира? Самое главное — это то, что новые идеи, изложенные Хрущевым, понятны народным массам и что идеи эти будут способствовать укреплению мира.

Во Франции речь главы Советского правительства вызвала ожесточенные споры. Демократическая общественность, прогрессивные и пацифистские организации, рабочие круги приветствовали эту речь и одобрили ее содержание. В то же время она вызвала резкое озлобление со стороны прессы, связанной с финансовыми кругами, со стороны крупного капитала и, разумеется, со стороны ультраколониалистов. Ожесточенные споры эти объясняются глубокими противоречиями, в сетях которых бьется французская политика. Эти противоречия в настоящее время доведены до крайности войной в Алжире.

Попытаемся разобраться во всем этом. Франция только что предоставила независимость своим бывшим африканским колониям, она сама рекомендовала их в члены Организации Объединенных Наций. Но в то же самое время французское правительство, попирая данное им обещание предоставить народу Алжира право на самоопределение, продолжает вести против этого народа кровопролитную и жестокую войну чистейшего колониального типа. Это означает, что колонизаторы, проигравшие свою игру в Черной Африке, сейчас делают ставку на сохранение белого господства в Алжире. Выиграть войну в Алжире — значит для них одновременно растоптать демократию во Франции. В случае же, если алжирский конфликт примет международный характер, колонизаторы призовут на помощь все подрывные силы как в самой Франции, так и за рубежом. Доведенная до этой точки, алжирская авантюра способна спровоцировать международный конфликт.

Когда Хрущев заявил с трибуны Организации Объединенных Наций, что нельзя больше терпеть продолжения войны в Алжире, он выразил тем самым мысли подавляющего большинства французов, он выразил также глубокое стремление к миру и дружбе с народом Алжира, разделяемое народом Франции.

Противоречие, связанное с войной в Алжире, не единственное противоречие французской политики. Существует еще и германский вопрос. Больше, чем какой бы то ни было другой стране Западной Европы, Франции непосредственно угрожает возрождение милитаризма и реваншизма в боннском государстве. Однако наше правительство поддерживает политику вооружения Западной Германии.

В этих условиях понятно, что французы с особым интересом восприняли предложение Хрущева, позволяющее урегулировать германскую проблему путем заключения мирного договора, путем воссоединения и демилитаризации обеих частей Германии.

Франция отреклась бы от своих традиций, отказавшись выступить на стороне Советского Союза и всех миролюбивых народов в поддержку требования о всеобщем и полном разоружении. А разоружение необходимо, чтобы спасти человечество, над которым нависла зловещая угроза ядерной войны. Никто не станет утверждать, будто план, изложенный Хрущевым, утопичен и неосуществим. Нельзя сослаться и на то, что его якобы невозможно согласовать с планами западных держав, — содержащиеся в этих планах пожелания учтены в предложениях Хрущева.

Может случиться, что настоящая сессия ООН не оправдает всех надежд, возлагаемых на нее народами. Но и тогда выдвинутые Хрущевым идеи, ведущие к разоружению, мирному сосуществованию, справедливости и счастью, дадут благотворные всходы в сознании людей, «расширив человеческий кругозор», и в конечном счете пробьют себе дорогу. И тогда правительствам всех народов придется — хотят они того или нет — претворить эти идеи в жизнь.

ПАРИЖ, 28 сентября. (По телефону)

МОГУЧИЙ ТОЛЧОК

БЫВАЮТ дни, когда даже люди, обычно погруженные в будничные, мелкие интересы, начинают ощущать пульс истории, мыслить большими общечеловеческими категориями, готовы подчинять им свои мысли и действия. К такому взлету мысли и воли человеческой призывает сейчас голос Н. С. Хрущева из далекого Нью-Йорка.

Там, в Америке, собрались представители почти всего человечества. К их разуму взывает посланец советского народа, в их сердце стучится человек, который с необычайной силой воплотил в себе наши желания, наши надежды, нашу волю к жизни, к творчеству и прогрессу. Он говорит народам всех континентов о том, что без разоружения у человечества нет завтрашнего дня. Он призывает человечество сделать еще одно усилие, чтобы покончить с позором наших дней, с остатками колониализма во всех его формах и проявлениях.

Опираясь на поддержку и сочувствие советского народа, он говорит громко и прямо, не боясь бросить обвинение в лицо тем, кто, хватаясь кровавыми пальцами за колесо истории, все еще надеется остановить его и даже повернуть вспять. В своем народе Никита Сергеевич может быть уверен! Только народ, преданный жизни, народ-оптимист мог совершить великий социальный переворот, мог устоять под напором окружавших его многочисленных врагов, смог в единоборстве уничтожить вооруженных техникой и дьявольской ненавистью фашистов.

Этот народ-победитель, и победив, ненавидит войну. Он кладет свою мощь на чашу весов всякий раз, когда в любом уголке мира сталкиваются свобода и рабство, прогресс и угнетение. Разве не чувствует каждый из нас, что энергичная речь Никиты Сергеевича на Генеральной Ассамблее — это и наше общее, и наше личное? Кто из нас не переживал чувства стыда за человечество, узнавая из газет или читая в книгах о возмутительных фактах расовой дискриминации, кто из нас не сочувствовал усилиям колониальных и полуколониальных народов сбить цепи рабства и угнетения?

Все советские люди ненавидят «холодную войну», всякий час готовую превратиться в горячую. Да и как может быть иначе? Тот, кто видел испепеленные города и села в годы гитлеровского нашествия, тот, кто видел убожество и нищету колониальных стран, не может не сочувствовать всем сердцем гневным словам Никиты Сергеевича. Я вспоминаю улицы Пекина и других китайских городов, которые я видел как участник великого перелета 1925 года. Запах гниения отрубленных голов, развешанных на стене у самого входа в дипломатический квартал; публичные казни на перекрестках улиц; продажа женщин на рынках; нищета кули и рикш, не имеющих собственного крова над головой... А рядом дворцы и небоскребы иностранных сеттльментов — кровососные банки, вытягивавшие миллиарды из страны.

В словах нашего посланника, руководителя Советского правительства, мы видим, чувствуем его веру в то, что рано или поздно человечество одумается, что и великий американский народ проголосует за мир во всем мире.

К каким бы результатам ни пришла эта историческая Ассамблея, уже сейчас можно с уверенностью сказать: выступление нашей делегации дало могучий толчок мысли и чувствам многих народов, которые видят в речи Никиты Сергеевича возможность создания такого уклада жизни на нашей планете, когда мир и счастье воцарятся на всех континентах накрепко и навсегда. Весь советский народ шлет нашей делегации и ее главе Никите Сергеевичу Хрущеву свое восхищение, свою веру в то, что их усилия приведут к победе дела мира и прогресса!

Александр ЛЕБЕДЕНКО
ЛЕНИНГРАД

А ТАМ — СПЕШКА...

Этот снимок был опубликован в английской газете «Обсервер». Скромная подпись — армейская ракетная база США. Куда направлены ракеты — газета не сообщает. Впрочем, даже если бы фотокорреспондент и попытался это выяснить, никто бы ему толком объяснить не смог. В Пентагоне сейчас спешка. Специалисты лихорадочно разрабатывают генеральный план координирования атомного авиаракетного «удара по России». Дело в том, что еще до недавнего времени в этом вопросе процветала нустарщина. Военно-воздушные силы, флот и армия избирали цели для «ударов по России» по своему усмотрению. Могли произойти досадные недоразумения — ракеты обрушатся на один объект и оставят другой нетронутым. После первого декабря положение в корне изменится. Все будет сосредоточено в руках генерала Томаса Пауэра, недавно назначенного директором службы стратегического планирования целей. И тогда, с облегчением констатирует журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», «все виды оружия США — наземные, морские и воздушные — будут нацелены на объекты в Советском Союзе и готовы незамедлительно открыть огонь по единой команде». При планировании необходимо увязать такие элементы, как «местонахождение сил противника, средства его обороны, оружие, необходимое для его уничтожения, точное время для атаки, расчеты траекторий ракет и расположение своих сил таким образом, чтобы они могли нанести удар по первому же сигналу». Словом, работы хватает.

Правда, сквозь толстые стены Пентагона проникают слухи, что на Генеральной Ассамблее ООН обсуждаются проблемы разоружения. В Пентагоне на это внимания не обращают. Там спешка...

Встречи с Уильямом Сарояном

НЕСКОЛЬКО дней провел в Армении известный американский писатель Уильям Сароян. Это его второе посещение Армении, — первый раз он приезжал сюда в 1935 году. Уильям Сароян побывал в музеях и театрах Еревана, посмотрел исторические памятники, выезжал в Бюраканскую обсерваторию, встречался с писателями и учеными.

Я попросил Уильяма Сарояна дать интервью для «Литературной газеты». В это время мы были у подножия Звартноцы, храма VII века.

— Хоть сейчас. Задавайте вопросы.

Тут по моей просьбе хотел было вступить в свои обязанности переводчик: мне казалось, что Сарояну будет легче изъясняться по-английски. Но он категорически отказался от перевода и повел разговор на армянском языке. Иногда затруднялся, искал подходящее слово, но ни разу не перешел на английский.

— Вас интересует мое мнение о динамике советского развития? — сказал У. Сароян и, улыбаясь, добавил:

— О, я «крупный эксперт» по вопросам политики и экономики. Но шутки в сторону. Каждый раз, приезжая в Советский Союз, я вижу прямо-таки невероятные изменения к лучшему. Нельзя не уважать этих огромных достижений и перемен. И думается, что в предстоящем десятилетии успехов у вас будет больше, чем за все прошедшие сорок с лишним трудных лет. Америка не может не замечать этих перемен, и не случайно она опасается, что Россия перегонит ее. Американцы были ошеломлены, когда увидели ваши спутники, — они вдруг постигли, что стали уже второй, а не первой державой в мире. Америка вынуждена будет учиться у вас, и прежде всего тому, как относиться к другим народам, чего до сих пор она не делала. Простые американцы начали понимать русских еще во время войны, когда увидели, как советские люди защищают Ленинград, Сталинград, Одессу, и они любят русский народ. Но у него есть в Америке и враги. С годами врагов будет все меньше, и лет через десять, а может, и раньше, я уверен, американцы и русские станут добрыми друзьями. Войны, мне кажется, не будет. Людям прежде казалось, что спорные вопросы надо решать только силой. Теперь всем пора бы понять, что нельзя в спорах прибегать к мечу, ибо меч стал слишком большим и слишком грозным. Смысл слова «победить» ныне изменился. Надо жить в мире. Спорить, соревноваться, но без меча. Русские учат терпению. И действительно надо терпеть — пять лет, десять, потому что теперь война — самоубийство. А далеко не все хотят быть самоубийцами.

Уильям САРОЯН
Рисунок М. ВРЕНАИЗЕНА

Наш разговор с писателем продолжался на второй день. В девять утра я пришел к Уильяму Сарояну в гостиницу. У него уже были гости: режиссеры и артисты театра имени Сундукяна, который готовит постановку пьесы Сарояна «В горах мое сердце», писатели, студенты.

В номер вошла пожилая женщина. Видно было, что Сароян ждал ее. Они трогательно обнялись. Это его родственница.

Судьба скитальцев-армян когда-то забросила их в разные страны. И вот они встретились впервые в жизни: крупный писатель, познавший на чужбине приютскую жизнь, труд продавца газет, батрака на калифорнийских фермах, чернорабочего, и уже старая Марта, лишь в советские годы вернувшаяся на Родину и обретшая здесь душевный покой и благополучие...

Зашел разговор о литературе и искусстве. Я спросил У. Сарояна о его литературных симпатиях и антипатиях, о его творческих устремлениях.

— Я читаю только по-английски. Поэтому могу судить лишь о тех произведениях, которые имеются на английском языке. Но, независимо от этого, хочу сказать, что, не будучи коммунистом, я всегда считал, что литература и искусство должны служить народу. Иной литературы и искусства я не признаю. Литература должна быть близка человеку, потому что она живет его жизнью и служит ему.

— Я одобряю все идеи России, — продолжал У. Сароян. — Русский народ великодушен, и о величии его души мир знает из произведений Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Маяковского и многих других.

— Что вы думаете о современном романе?

— Литература двадцатого столетия не должна быть похожа на литературу прошлых веков. Времена резко изменились. Раньше люди передвигались пешком и на лошадях. Теперь, как известно, со средствами передвижения дела обстоят иначе. Современный человек очень занят, и у него нет терпения и возможности читать неторопливые и объемистые романы. Такие романы люди читают, когда лежат в больнице. А если мы пишем не для больных, а для здоровых, то должны писать лаконично, коротко и быстро. Существует много хороших писателей, которые этого мнения не разделяют. Они пишут объемистые вещи, и люди их читают.

Уильям Сароян посмотрел на часы:

— О, уже десять. Надо спешить к Мартиросу Сарьяну. Он пожелал написать мой портрет. Это большая честь для меня.

К. СЕРЕБРЯКОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ЕРЕВАН. (По телефону)

За рубежом

СКЕЛЕТ ИЗ КРЕМА

МЕЛАНХОЛИЧЕСКУЮ фотографию напечатал в одном из своих последних номеров французский еженедельник «Пари матч». На снимке — американское кладбище: кресты, надгробья, цветы. Передний план занимает оригинальный «памятник» — режиссерское кресло, на внутренней стороне спинки которого черным по белому написано: «А. Хитчкок». Читатели «Пари матч», те, которым известно имя этого «короля ужасов» на экранах американских телевизоров, мельком взглянув на фотографию, могут подумать, что блестящая карьера Хитчкока безвременно оборвалась. Однако в действительности снимок этот иллюстрирует статью, сообщающую, что господину Альфреду Хитчкоку удалось завершить самое прибыльное из своих начинаний. Вышедший на американские экраны кладбищенский фильм Хитчкока «Психо» должен в одних только Соединенных Штатах принести пять миллиардов долларов, сообщает автор статьи Франсуа Эрбер.

Господин Хитчкок может быть вполне удовлетворен результатами своих трудов, а потрудился он немало. Самым простым в этом доходном деле было приобретение прав на экранизацию «черного» романа американского писателя Блоча Сема, живописующего похождения маньяка, помешанного на коллекционировании женских трупов. Многочисленные «живые» детали повествования — убийства, вскрытие могил, обработка содранной человеческой кожи и т. д. и т. п. — все это не могло не привлечь внимание мистера Хитчкока, но он прекрасно отдавал себе отчет в том, что исход дела решает реклама...

У дверей бродвейских кинотеатров, где демонстрируется фильм, режиссер «лично» встречает толпящихся зрителей: для этой цели изготовлены чучела мистера Хитчкока из папье-маше. Внутри «автозазывалы» — долгоиграющая пластинка с записью речи мистера Хитчкока, заклинающего зрителей не рассказывать, что они видели. По телевидению, где Хитчкок — свой человек, реклама передается в виде магнитофонной записи. Хитчкок: «...Вот женщина, только что видевшая «Психо». Вопли ужаса, женский визг. Хитчкок: «Благодарю вас, мадам!»

Увлеченный своей ролью «зазывалы», Альфред Хитчкок, возможно, забыл, что ему случалось выступать перед более просвещенной публикой, где принято говорить на высокие темы. «Романы, живопись, музыка и вообще все произведения искусства формируют нашу духовную культуру, от которой мы потом уже не можем освободиться, даже если бы мы этого хотели», — глубокомысленно писал режиссер «Психо» в одной из своих недавних статей. Позволительно задуматься над тем, что добавил Хитчкок к формированию духовной культуры женщины, которую он так любезно благодарит за ее истерические вопли. Ответим на этот вопрос словами парижского еженедельника «Ар», который, называя Хитчкока одним из великих деятелей американского кино, пишет: «Окруженные внезапно своими собственными кошмарами и фантазиями, герои Хитчкока барахтаются в мире постоянной и вездесущей угрозы. Всякое равновесие — шатко, передышка — невозможна. Героев гнетут противоположно направленные силы, раздирают на части противоречивые стремления».

Снимок из парижского еженедельника «Пари матч».

Хитчкок не в одиночку трудится над созданием такого кошмарного мира, его картины — лишь наиболее примитивное и общедоступное экранизированное воплощение широко распространенных сейчас на Западе идей, стремящихся представить человека жалким существом, находящимся в плену темных сил подсознания, в плену, который провозглашается естественным состоянием человека.

Кинокомпания «Парамаунт», поставившая фильм Хитчкока, поспешила вскоре после его выхода на экраны объявить, что картину «Психо» уже просмотрел 41 процент зрителей, вообще посещающих кинотеатры. Рекламная шумиха все нарастает. Хитчкок позирует фотографам, держа огромную черную вилку над причудливым блюдом, в центре которого — вздувшаяся человеческая четырехпалая рука, а книзу от запястья, очевидно, кремом выложены белый человеческий скелет и две черные змеи. И когда газеты сообщают, что в Сан-Франциско арестован человек, сознавшийся, что совершил третье преступление после того, как посмотрел «Психо», то, вероятно, многие принимают это за очередной ловкий рекламный трюк, вполне допустимый в мире, где преступление может служить рекламой кинофильму, а кинофильм — наглядным пособием для изощренных преступников.

И. РАЗГОВОРОВ

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-03, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-06-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-90-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Б—024203